

Больше
не промахнусь!
Милые леопардиньки

Жиль Легардинье
Больше не промахнусь!

Издательство «Синдбад»

2014

УДК 821.111-31
ББК 84(4Фра)-44

Легардинье Ж.

Больше не промахнусь! / Ж. Легардинье — Издательство
«Синдбад», 2014

ISBN 978-5-906837-67-7

Мари думала, что нашла любовь своей жизни, но Хьюго выставил ее за дверь после проведенных вместе десяти лет. Мари решает: хватит быть паинькой, отныне она станет фурией! Больше никому не позволит себя обидеть. И будет счастлива несмотря ни на что и во что бы то ни стало. Мари некогда тосковать: она отстаивает права своих коллег, осуществляет изощренный план мести «подлому обманщику Хьюго», предпринимает невероятные усилия, чтобы вычислить тайного воздыхателя – автора приходящих ей писем без подписи... С очаровательно неуклюжим изяществом выходя из самых нелепых ситуаций – как кошка, которая я всегда приземляется на четыре лапы. Чтобы продолжать идти навстречу своему счастью.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-906837-67-7

© Легардинье Ж., 2014

© Издательство «Синдбад», 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Жиль Легардинье

Больше не промахнусь!

© Издательство «Синдбад», 2017.

* * *

1

Темно и промозгло. Воздух сырой, я дрожу от холода. Это потому, что рядом канал. Иду по краю набережной сама не знаю куда. Я втянула голову в плечи и держу руки глубоко в карманах не только из-за погоды. Я мерзну снаружи, но изнутри мне еще холоднее. Сколько бы я ни вглядывалась в потемки, царящие в моей душе, там нет ни одной искры, которая согрела бы меня. Я ходячий замороженный полуфабрикат. Начался ледниковый период, и я знаю как минимум одно существо, которое его точно не переживет.

Что я тут делаю? Ведь вообще-то в такое время я никогда не бываю на улице. Уже много лет – никаких ночных прогулок, особенно спонтанных. Обычно сижу дома, как и все те люди, которых я вижу в освещенных окнах домов. Обычно в голове у меня не такой бардак. Обычно я не одна.

Я знаю тут каждое здание, но сейчас не узнаю ничего. И дело не в том, что вокруг что-то изменилось, дело во мне. Один час, один разговор, несколько фраз – и сердце разорвано в клочья. Жизнь уже никогда не будет прежней. У нас с Хьюго не все было гладко, но я и представить себе не могла, что наши отношения развалятся в один миг...

На набережной никого, кроме парочки влюбленных. Да еще бомж готовится к ночи на своих картонках от старых коробок. Очевидно, жизнь посылает мне знак – так сказать, краткое резюме пройденного этапа. Эти люди олицетворяют его начало и конец. Когда-то и я обо всем забывала в объятиях любимого, а теперь стану такой же, как этот несчастный бомж. Моя жизнь – бездонная пропасть, в которую я падаю и падаю. Эти влюбленные и бездомный – в нескольких метрах друг от друга – как будто символизируют то, что со мной происходит: от любви – к полному одиночеству на обочине равнодушного мира, который течет мимо, как вот эта вода в канале.

Я прохожу мимо влюбленных. Он крепче обнимает ее и что-то шепчет на ухо. Из рта у него поднимается облачко пара. Человеческое тепло... Значит, оно существует не только в моих воспоминаниях. Она утыкается в его плечо, хихикает. Возможно, они смеются надо мной. Наверное, удивляются: чего это я брожу тут одна, даже без собаки. Если бы я была мужчиной, они бы решили, что я маньяк. А так они думают, что я чокнутая. Они вдвоем и крепко обнимают друг друга. Это дает им право на снисходительное отношение ко всему миру. Они неуязвимы, потому что любят друг друга. Думают, что любят. Пока еще любят. Настоящая любовь или нет, становится ясно только в самом конце истории. Я дорого заплатила за этот урок. Их счастье цветет на грядке неведения, но когда его хиленькие корешки захотят зарыться глубже в почву, то не найдут пищи и погибнут – как это произошло в моем случае. Я знаю, что творится у них в голове: они самоуверенны, как любой новичок, и полны слепой веры, как любой невежда. Она надеется, он сгорает от желания. Они еще не знают, что мир уже разводит их в разные стороны. Ах, если бы я знала это, когда мне было столько же лет, сколько ей...

Может, предупредить ее? Объяснить, какая ужасная опасность ее подстерегает? Нет, это глупо. Кто я, чтобы мешать ее счастью, пусть даже иллюзорному? И как знать: может быть, у нее получится лучше, чем у меня... Да, я действительно чокнутая.

Не знаю почему, но мне вдруг захотелось пройти по самому краю, по узким обтесанным камням, которыми отделана набережная. Обычно так развлекаются дети, подставляя грудь ветру и раскидывая руки, словно канатоходцы на воображаемой проволоке. Им кажется, что это настоящее приключение, что они рискуют жизнью над глубочайшей в мире пропастью. Мои племянники всегда так делали. Но я-то уже не ребенок. А, наплевать... Я ведь и правда сейчас на краю бездны, на дне которой разобьется моя жизнь.

Теперь, глядя на все как будто со стороны, должна признать, что наши отношения с Хьюго с самого начала не были простыми. Но тогда, когда все только начиналось, мне казалось, что перспективы у нас хорошие. Первые страницы были как в сказке. Встреча, промелькнувшая между нами искра, и вот уже двое держатся за руки (как придурки), бегут по цветущему полю и поют, а кролики им хором подпевают. Да-да, все так и было. Пока мы не вступили под мрачную сень темного леса...

Вначале Хьюго был милым, мы много смеялись. В наших отношениях были и страсть, и желание, и стремление делиться. Он дарил цветы, пожирал меня взглядом, а если мы расставались, ему не терпелось вернуться ко мне... Обнимая меня, он думал только обо мне. Господи, как мне все это нравилось...

Мы все время придумывали что-нибудь на выходные: катались на лыжах, ездили на море, за границу. Иногда с друзьями – и это всегда были его друзья.

А мне было все равно, я просто хотела быть с ним. Полуголой у костра на пляже или в костюме пингвина на концерте современной музыки я чувствовала, что нахожусь именно там, где и должна быть, – если Хьюго был рядом. Мне нравилось ждать его, когда он поздно возвращался домой, нравилось приводить в порядок его одежду и готовить любимые блюда. Я не была домашней рабыней, просто мне нравилось делать это для него. Проходили дни, недели, месяцы... Все наши друзья пережились. Мы смеялись, пили и аплодировали на свадьбах, но сами не следовали их примеру. Мы не замечали, как проходит время. Просто функционировали. Как дизельный двигатель – без рывков вперед, без внезапных остановок. Счетчик наматывал километры, время шло. Казалось, ничего не меняется. Про нас говорили: «вечная помолвка». Ха! Я сгорала от желания выйти замуж, но Хьюго всегда находил повод отложить свадьбу, подождать, не торопить события. То это был новый виток карьеры, и приходилось целиком посвящать себя работе, то выяснялось, что он не хочет тратить деньги на свадьбу и считает: тем, кто любит друг друга «так, как мы», штамп в паспорте ни к чему. И что же? Мы годами топтались на одном месте. Мой живот (но не его) так и оставался плоским. Все вокруг заводили детей, а мы по-прежнему жили как студенты. Ничего не менялось, и я думаю, это и было хуже всего. Никаких совместных планов. Вперед мы заглядывали не дальше чем до ближайших выходных. Каждый раз, когда я пыталась обсудить будущее (какое расплывчатое понятие) или взаимные обязательства (фу, как грубо), Хьюго ловко менял тему. И в конце концов мы стали говорить только о повседневных мелочах: что купить, где ключи, какой йогурт выбрать, какой фильм посмотреть, где отремонтировать машину и что осталось в холодильнике. О чем угодно, кроме самого важного.

А потом появилась Таня. Как суккуб из средневековой легенды. Я ни о чем не догадывалась, пока Эмили не сказала мне. Однажды вечером после ужина с друзьями она шепнула: «Если бы мой парень так ржал над чужими шутками, я бы задумалась». И я задумалась. Но было уже поздно: преступление свершилось. За ним последовали бесчисленные рецидивы – как правило, по вторникам, вечером. Ну и дура же я была... Слепа, как груша в тесте. И так же нелепа.

Когда я прямо спросила Хьюго, он твердо сказал, что я все выдумала, обнял меня, заговорил «о нас». Ему хватило наглости врать, глядя мне в глаза. О, когда я думаю об этом!.. И знаете что? Я была настолько тупа, что поверила! На самом деле я думаю, что просто очень хотела верить. Для нас, женщин, чувства всегда важнее фактов. И мужчинам это прекрасно

известно. Они говорят, что в этом и есть наша сила. Но в моем случае это была слабость. Мы протянули еще несколько месяцев – рядом, но не вместе.

Каждый вечер, когда я шла с работы, внутри у меня все сжималось, а в глазах стояли слезы. И когда я случайно увидела эсэмэску от Тани, предназначенную, разумеется, не мне, то почувствовала себя серьезно больной. Меня мутило, я была раздавлена. И все из-за сообщения, в котором меньше ста букв. Я прочитала его за три секунды, но мне понадобится целая жизнь, чтобы прийти в себя. Это была не просто улика, это был вызов. Я даже не смогла рассказать об этом Эмили, и уж тем более маме или сестре. Несколько пошлых слов стали для меня как выстрел в грудь из револьвера. Пуля вошла в тело, а наружу не вышла, осталась в нем. При каждом движении она продвигалась все ближе к сердцу. И в прошлый понедельник добралась до него.

Вернувшись вечером домой, я решила немедленно вскрыть нарыв и поговорить с Хьюго начистоту. У меня больше не было сил притворяться. Я сказала, что все знаю. Объяснила, что мне больно, что я готова простить, но, если мы хотим начать сначала, нужно расставить точки над «i». Напоследок я выдала что-то вроде: «Без правды нет настоящей любви!» Ну просто мастер монолога. Шекспировская трагедия в мансарде без балкона. То, что я поймала Хьюго на горячем, ни на секунду не вывело его из равновесия. Он преспокойно уселся на диван, откинул голову и вздохнул. Я стояла напротив него, в углу, где у нас была кухня, и вся тряслась, ожидая ответа. Хьюго довольно долго молчал и наконец сказал:

– Вообще-то хорошо, что ты об этом заговорила. Думаю, мы подошли к концу нашего пути. И я не хочу продолжать. Мне уже давно не нравится, как я живу. У нас с тобой больше не клеится, и лучше нам это дело прекратить. Но давай смотреть на вещи позитивно, все ведь не так страшно. Это жизнь. Будем вести себя как взрослые.

Это было больнее, чем если бы он ударил меня по лицу. И пока я хватала ртом воздух, он добавил:

– Я, конечно, не буду приставать к тебе с ножом к горлу, но хорошо бы, чтобы ты съехала не позже чем через неделю. Раз уж ты заговорила о Тане – у нас с ней большие планы. Это все-таки моя квартира...

Ему не нравится, как он живет! Но ведь это он принимал все решения, никогда не спрашивая, что я думаю, и методично отдаляя меня от моих близких! А теперь он начнет новую жизнь, без меня! «Провожających просят выйти из вагонов. Осторожно, двери закрываются». А у меня нет билета на этот поезд!

Знаете, что я чувствовала в тот момент? Надеюсь, что нет. Никому не желаю узнать – каково это, когда разбивается сердце. Обычно в таких случаях говорят, что земля уходит из-под ног, употребляют слово «катастрофа»... Но это был Большой взрыв. Все молекулы моего существа разметало по всей вселенной. Сердце превратилось в черную дыру, а остальные органы теперь станут планетами.

После нашего разговора Хьюго обращался со мной как с убогой беженкой, которая не говорит на языке приютившей ее страны: улыбался равнодушно и лживо, произносил гладкие фразы, которые, вероятно, должны были очистить его совесть. «Нам просто не повезло», «У нас были и хорошие моменты! Давай просто перевернем страницу, не обязательно ее вырывать!» Он что, издевается? Я даже услышала что-то вроде: «Докажем всем, что мы зрелые люди». Как он может?! Ведь он только выглядит взрослым! Вот скотина. Все эти годы он кормил меня обещаниями, просил подождать, заставил поверить, что доступный любому минимум – для меня недостижимая роскошь. Ему повезло, что в первые минуты я была слишком подавлена, чтобы захотеть его убить. Но мне уже лучше, и я начинаю об этом подумывать.

Наше «объяснение» произошло три дня назад. С тех пор я – как взбесившаяся атомная электростанция. Датчики на контрольной панели мигают красным, давление растет, стрелки

на циферблатах указывают на перегрузку, инженеры мечутся как угорелые, но температуру реактора понизить невозможно. Нужно немедленно объявлять эвакуацию: вот-вот рванет.

У меня осталось всего несколько дней, чтобы распихать барахло по коробкам и покинуть место, которое было нашим домом. Подводя итоги, я вижу, что у меня не так уж много вещей. А, нет! У меня есть диван. Подумать только, сообщая мне о том, что наши отношения остались в прошлом, более того, выгоняя меня из дома, это ничтожество с комфортом сидело на моем диване! Самая яркая аллегория наших отношений. Я купила этот диван со своей первой зарплаты, но выбрал его Хьюго! Идеальный симбиоз: я отдала ему все мои «в первый раз», и он на них просто уселся.

Время идет, а я так и не знаю, куда податься. Вернуться к маме мне не хватит храбрости. Она всегда считала Хьюго скользким типом и каждые две минуты станет повторять: «А я говорила!» Мне только этого сейчас не хватает. Я вспоминаю историю ее отношений с моим отцом и не думаю, что она может чему-нибудь меня научить. У сестры хватает хлопот со своей семьей, а тут еще я свалюсь ей на голову... Осталось всего четыре дня, потом придется переехать в гостиницу, а вещи отвезти на склад. Нет, но какая же скотина!

Эмили предложила пожить у нее, но это не выход. Не хочу болтаться с одной квартиры друзей на другую и чувствовать себя как потерпевший кораблекрушение. Не хочу быть одиноким свидетелем чужого семейного счастья и надежд, в то время как мне не досталось ни того ни другого.

Фонари на противоположном берегу отражаются в спокойных водах канала. Когда-то мне здесь нравилось. Сегодня – нет. Мне кажется, что меня просто не существует. Я всегда была хорошей девочкой. Меня воспитали, научив не привлекать к себе внимания, «не поднимать волну». Думать в первую очередь о других и только потом о себе. И каков результат? Мной постоянно пользовались! Хьюго, например, ни в чем себе не отказывал. Я потратила на него годы, которые уже не вернуть. И вот я здесь, и мне так одиноко, словно я персонаж шведского фильма.

Я поднимаю голову. Вижу звезды. Со стороны это, наверное, выглядит романтично, но я запрокинула голову по другой причине – чтобы слезы не текли по лицу. Я полна ими до краев, и, если хоть чуть наклоню голову, они хлынут потоком, и канал выйдет из берегов. Вот я и смотрю на звезды, на которые вообще-то мне наплевать.

И тут жизнь посылает мне второй знак – нельзя так относиться к звездам! Не знаю, как это вышло, но я оступилась и потеряла равновесие. Помните, я говорила, что иду по краю бездны? Ну вот, а теперь я падаю в нее, размахивая руками. Я издала нелепый вопль и как идиотка свалилась в канал. Посвящаю это падение всем, кого бросили, выгнали, предали. Тем, кто, как я, больше никому не верит.

Сейчас конец января, и я не ожидала, что будет тепло. Так и есть, вода ледяная. Еще минус два градуса – и она была бы покрыта льдом. Тогда я бонусом выбила бы себе зубы. Я икаю, начинаю захлебываться. Вообще-то я неплохо плаваю, но не в пальто, которое страшно стесняет движения. В панике выпускаю сумку из рук. Вот балда! Вдруг рядом раздается всплеск. Какой ужас! Похоже, я невольно вызвала волну самоубийств. Еще одна обманутая женщина? Боже, в каком мире мы живем! Если так пойдет дальше, канал переполнится несчастными, с которыми сурово обошлась судьба. Но нет, что за чушь! Это наверняка тот молодой человек! Решил произвести впечатление на подругу и прыгнул, чтобы спасти меня. Класс! Мы все-таки не самый паршивый вид живых существ на планете! Его порыв меня трогал, это так мило! Но мое пальто все больше намокает, оно уже весит две тонны, мне трудно шевелить руками. Я поворачиваюсь навстречу своему спасителю... Что?! Ничего не понимаю. Влюбленный по-прежнему на набережной, со своей подружкой. И, кажется, они смеются. Вот твари! Тогда что же это был за звук? Кто-то воспользовался темнотой, чтобы избавиться от старой стиральной машины? Мафиози выбросили труп? Метеорит упал? Я напрягаю зрение,

но ничего не разглядеть. А, знаю! Это мой воображаемый друг прыгнул вслед за мной – какая трогательная преданность! Но раз он воображаемый, то и всплеска быть не должно было... Похоже, я схожу с ума.

И вдруг я вижу второго человека в воде. Но почему он плывет к берегу, ведь я вот она?! И что это у него в руках? Черт побери, это бомж, и он с моей сумкой! Внезапно неизвестно откуда во мне поднялась какая-то неведомая сила. Я просто взбесилась. Задыхаясь, захлебываясь и отплеываясь, я стала грести к берегу, как олимпийский чемпион. Меня толкала ярость. Эта капля переполнила чашу моего терпения! Мужики меня достали! Как бы плохо вам ни было, они без всяких угрызений совести найдут чем поживиться. Если вы симпатичны, они будут к вам приставать. Если вы тонете, они вас ограбят.

Бомж выбрался из воды... Я догоню его во что бы то ни стало! Цепляясь за камни, я вылезла на набережную, барахтаясь, как тюлень. Бомж пустился наутек. Я потеряла ботинок, но, даже хромя на одну ногу, настигла его. Издав звериный рык, схватила за куртку и швырнула на землю с силой, которой от себя не ожидала.

– Сейчас же отдайте мою сумку! Как вам не стыдно!

– Но вы же собирались умереть! Зачем вам сумка?!

Я удивляюсь:

– С чего вы взяли, что я хотела умереть?

– Когда человек с таким выражением лица прыгает в канал, он наверняка не собирается просто поплавать!

– У меня плохое настроение, и я поскользнулась!

– Не вешайте мне лапшу на уши!

Говорят, нельзя бить лежачего, но сегодня я не собираюсь следовать правилам хорошего тона. Наклоняюсь и отвешиваю ему пощечину. Потом еще одну. И еще! Рука болит, но мне становится легче. Бомж давно уже выпустил мою сумку, но если он думает, что отделается так просто...

Я кричу изо всех сил:

– Мужики, вы меня достали! Я вас ненавижу! Теперь ваша очередь страдать!

Влюбленная парочка давно сбежала. Тронутая дерется с клошаром! Напилась, наверное... А вот и нет, я не пила! Мой голос разносится по всему кварталу. Мокрая, измученная, качаясь от усталости, я принимаю решение и клянусь никогда не изменять данному себе слову: я обнуляю счетчик, и отныне – каждое лыко будет в строку! Этот засранец Хьюго за все заплатит! Я ему отомщу. Счастье не сыплется на меня с небес, но я сама отправлюсь за теми крохами, что мне причитаются. Даже если для этого придется спуститься в ад. Милая и славная Мари умерла, утонула в канале. На берег вылезла злая Мари. Волосы у нее всклокочены, и она в одном ботинке. С этой минуты – око за око, я дам сдачи каждому, по полной. Моей ярости хватит на всех. Месть – блюдо, которое подают холодным, а я сейчас как раз промерзла до костей. Меня душит гнев и пожирает ненависть.

2

– Мари, в чем дело? Ты прямо как в воду опущенная... Удивительно точное наблюдение, имея в виду мои вчерашние злоключения.

Петула – секретарша в конторе, где я работаю, – первый человек, который заговорил со мной после моего заплыва в канале. И я не уверена, что это можно считать везением. С невероятным изяществом она поднялась со стула и перегнулась через стойку, чтобы убедиться: моя нижняя половина выглядит так же жалко, как верхняя. А я, между прочим, сделала все, что могла, чтобы привести себя в порядок. Без всякого смущения, абсолютно невозможно,

как все люди, живущие в своем отдельном мире, Петула оглядела меня с ног до головы и молча села. Однако выражение лица у нее было достаточно красноречивое.

Потом она и вовсе отвернулась к монитору и начала преспокойно читать свою почту. Она уже забыла о моем существовании. Как будто меня тут просто нет. Занимается своим делом. Как рыбка в аквариуме. Я подхожу ближе, надеюсь вынудить ее заметить, что я все еще здесь, и сообразить, что, очевидно, этому есть причина. Но нет. Петула не отрывает взгляд от экрана, пальцы летают по клавиатуре, – отвечает на письма.

Она работает секретаршей, но готовит себя к лучшему будущему. Настоящая жизнь, считает Петула, – это балет. Она занимается днем и ночью и мечтает стать звездой. Два месяца назад разучивала в нашем холле танец из «Лебединого озера» и умудрилась сломать запястье, ударившись о вешалку. Теперь при каждом удобном случае умоляет начальство расширить холл, положить паркет, повесить зеркала и установить металлический поручень, как в танц-классе. Если так пойдет и дальше, то через год, чтобы попасть на работу, придется проходить через настоящую сцену. Хорошо еще, если не заставят надевать пачку... Боже мой, о чем я только думаю в минуту, когда мне не хочется жить?

– Петула, извини...

Она вздрагивает. Ее собранные в хвост волосы будто встают дыбом.

– Привет, Мари!

Она смотрит на меня и вдруг застывает.

– Надо же, странно! Ты одета точно как вчера! Можно подумать, что ты вообще домой не уходила.

Я в шоке. Второй раз за последние двенадцать часов. Чувствую себя как выжатый лимон. Как расколотое на щепки бревно. Прекрасный был бы из меня костер. Ну я ведь и хотела, чтобы меня кремировали... Петула безостановочно кружится на месте – видно, центробежная сила размазала все ее нейроны по внутренней поверхности черепа. Буду вести себя так, будто все нормально, и перейду прямо к делу:

– Привет, Петула. Я потеряла пропуск. Можешь дать мне новый?

– Да. Но нужно написать объяснительную. И где же ты его потеряла?

– Ну... Напиши, что он лежит на дне канала. Или что у меня его отобрал жуткий бомж. Или съела набросившаяся на меня без причины собака.

Петула смеется. Она думает, что я шучу. О, если бы это было так... Петула подмигивает:

– Не волнуйся! Напишу, что ты выронила его где-то на улице. Я всегда так пишу. Кроме того раза, когда у Пьера сторел дом: тогда я написала, что его пропуск расплавился. – Она открывает ящик и достает новый пропуск. – Сюда нужно наклеить твою фотографию.

– Я сейчас так выгляжу, что лучше нарисую там свою физиономию...

Мне пора. Если бы не чувствовала себя так мерзко, то встала бы на цыпочки, округлив руки над головой, и засеменила мелкими шажками. Но тут Петула подсакивает:

– О, Мари, чуть не забыла! Супермегаважно! Тебя ждет господин Дебле. У себя в кабинете.

Еще одна катастрофа. Мало их, что ли. Шеф ждет меня с самого утра в тот самый день, когда я на полчаса опаздываю... Это проклятие преследует меня всю мою несчастную жизнь! Началось еще со школы. Я могла неделями вести себя идеально, и никто не обращал на меня никакого внимания. Но в тот самый момент, когда я корчила адскую рожу или под страшным секретом рассказывала подруге о том, как облажалась, – о, чудо! – занавес поднимается, огни рампы вспыхивают, микрофоны включаются, и глаза десяти миллионов зрителей устремлены на меня! Счастье чаще отворачивается, это неудача всегда тут как тут! Сегодняшнее утро – лишнее тому подтверждение. Только Дебле не хватало, чтобы плохой день стал отвратительным.

В холле появился курьер, поздоровался и начал складывать штабель из коробок у самой двери. Петула заметалась:

– Нет-нет, только не здесь! Что, если кому-то нужно делать упражнения на растяжку? Человек же может ушибиться!

3

Очень надеюсь, что Дебле не станет выедать мне мозг: не уверена, что сегодня смогу адекватно реагировать. Невозможно поверить, что я работаю здесь уже десять лет. Все так изменилось. Я иду по коридору, слева и справа множество кабинетов. Двери закрыты, но стены стеклянные, и я вижу, что происходит внутри. Здравуюсь с коллегами – с теми, кто меня заметил. А вот и кабинет Эмили. Она говорит по телефону, но я открываю дверь и заглядываю внутрь. Эмили широко улыбается мне, продолжая разговаривать с собеседником по-английски. Ничто в голосе не выдает ее, когда она закатывает глаза, указывая на трубку. Я тычу пальцем в конец коридора и одними губами произношу:

– Дебле вызывает! – И начинаю обеими руками душить себя.

Она беззвучно смеется и машет: ладно, увидимся позже! Эмили – одна из самых больших удач в моей жизни. Она мне как родная сестра. Ни с одной подругой я не была так близка. Иногда мне кажется, что мы знакомы чуть ли не с детского сада. И я уверена, что, если она уволится, я не смогу тут работать. Особенно теперь.

Мы пришли в «Дормекс» с разницей в несколько месяцев. Тогда здесь работало больше трехсот человек. Матрасы класса люкс, которые мы продаем, изготавливали тут же, на заводе, расположенном за офисным зданием. Везде было полно народу. Кабинеты выглядели немного старомодно, но все двери были нараспашку. Настоящий улей. Дом, где живет большая семья. Снаружи сновали грузовики, с завода доносился грохот машин, непрерывно звонили телефоны, все обволакивал гул голосов. Особую ноту в общую атмосферу вносили рабочие, и мы все гордились тем, что делаем. Лучшие отели мира и самые требовательные частные клиенты заказывали наши матрасы – сшитые, набитые и простеганные вручную! Сама английская королева спала на матрасе, который был сделан у нас. Наши матрасы были известны во всем мире. На нас равнялись, мы были в авангарде, хотя некоторые наши секреты производства были известны еще в эпоху Возрождения. Мы изготавливали пружинные матрасы, матрасы из пенополиуретана, латексные – с воздушными ячейками; самыми шикарными были те, что с наполнителем из мохера или альпаки. По всему миру развозили и рассылали то, что было придумано, испытанно и изготовлено здесь. В те времена нашим девизом было: «Доверьте нам ваши ночи, и ваша жизнь станет наслаждением!»

Когда мы с Эмили только начали здесь работать, то бегали в почтовый отдел читать адреса на посылках и «путешествовали» по всему миру, разглядывая надписи на ящиках: Лондон, Нью-Йорк, Гонконг, Абу-Даби, Кейптаун... Сотни матрасов ожидали отправки в восточные дворцы и на частные острова в Тихом океане.

Но прошло несколько лет, владельцы состарились и продали предприятие. Новых акционеров интересовала только прибыль. Они сразу перенесли производство в Азию, – ведь рабочая сила там гораздо дешевле, да и сырье тоже.

Наш каталог сократился наполовину: перестав заботиться о качестве, новые владельцы не выдержали конкуренции. Теперь в «Дормекс» работает всего двадцать шесть сотрудников. Кабинеты перестроили. Стало гораздо светлее, все сияет и блестит, повсюду стеклянные перегородки – никаких уютных уголков. И никакого доверия.

Несмотря на красивые слова, это больше не одна команда. Мы – наемные работники. Для «стариков», заставших прежние времена, это тяжело. Мы чувствуем себя как белые медведи на стремительно тающей льдине. Некоторые даже разводят костры, чтобы приблизить конец...

Мы забыли, ради чего работаем. Прощай, профессиональная гордость. У нас отняли цель и удовольствие, с которым мы делали свое дело. Сегодня наш девиз: «Доверьте нам ваши ночи, а мы выпишем вам кассовый чек».

Я занимаюсь персоналом. Давным-давно – хотя не так уж и много времени прошло – я помогала людям лучше выполнять свою работу, поддерживала, когда у них в жизни происходили важные события. Рождение ребенка, выход на пенсию, развод, болезнь, повышение квалификации – я всегда была рядом. Сотрудники не злоупотребляли льготами и отгулами, а владельцы компании относились к ним с искренней сердечностью. То была отличная команда. О жизни моих коллег мне было известно все – и проблемы, и радости. Мы говорили открыто обо всем. Я управляла человеческими ресурсами, была связующим звеном между руководством и коллективом, и эта связь работала в обе стороны. Господин Мемнек, бывший владелец предприятия, говорил, что я – как медсестра, только без шприцев и пластырей, оказываю первую помощь душе. Мне это очень нравилось. А теперь, когда большинство сотрудников сократили, а бюджет «оптимизировали», я превратилась в механический протез, которым управляет дирекция.

Теперь я должна объявлять о сокращениях льготных выплат и увольнениях. Это ужасно. Часть заводского здания превращена в бизнес-центр с множеством офисов, которые арендуют непонятно какие компании. Не всегда даже понятно, чем они занимаются: продавцы тайм-шера, агентство релукинга, торговцы подержанной мебелью (которым люди, попавшие в трудное положение, несут свои вещи, чтобы получить взамен немного наличных) и бог знает кто еще. Почему выселяют не их? Им-то как раз самое место где-нибудь на Марсе!

Забегаю к себе, чтобы оставить пальто. Сразу за моим кабинетом начинается опен-спейс. Не знаю, сколько еще продержусь под натиском постоянной реорганизации, которая то там, то тут отгрызает кусочки личного пространства – как будто пустыня наступает на оазис. Личные кабинеты остались только у восьми человек, остальных пересадили в одно большое помещение. Сначала это казалось хорошей идеей, люди чувствовали себя сплоченно, как в американских фильмах – когда показывают, например, редакцию большой газеты, где истина вступает в бой с фейковыми сенсациями. Но через пару недель все поняли, что между реальностью и кино пролегает глубокий ров. Все сидят друг у друга на голове, ни минуты тишины и покоя. Так шумно, что сотрудникам запретили переговариваться, даже если они сидят рядом. Если они хотят что-то обсудить, то должны переписываться по электронной почте. Чудеса технологий и достижения интеллекта, конечно же, способствуют повышению производительности. Всего две тысячи лет цивилизации – и мы перестали разговаривать, сидя друг против друга. Зато руководство будет в курсе любого обмена информацией... И – да, это еще одна идея Дебле и его мерзкого подхалима Нотело.

А я должна озвучивать их приказы, изданные «на благо компании». Сидя у панорамного окна в своем «аквариуме», Дебле над всеми возвышается и за всеми следит. За соседним стеклом маячит его верный заместитель. Дебле и Нотело – адская парочка. Поначалу Нотело даже казался нам симпатичным – вероятно, из-за своего бразильского акцента. Но, несмотря на то что к бразильцам во Франции традиционно относятся с симпатией, мы быстро поняли, что не все они этого заслуживают. Или нам достался единственный говнюк на всю прекрасную страну Бразилию. Они с Дебле на одной волне. Можно даже подумать, что соревнуются, кто первый придумает очередную пакость. Нотело, например, предложил снести перегородку, за которой стояла кофе-машина. И теперь ты на виду даже во время перерыва. И все в курсе, кто с кем разговаривает и у кого еще хватает сил общаться.

Проходя через опен-спейс, украдкой здороваюсь с теми, кого хорошо знаю: Валери, Флоранс, Малика... Они едва осмеливаются кивнуть в ответ. Еще немного, и тут будет как в тюремных мастерских. Единственный, кто открыто отвечает на мое приветствие, – Флоран, стажер из отдела маркетинга. Это я приняла его на работу. Ни одна из наших девушек не устояла

перед его улыбкой и молодостью (ему всего двадцать лет). Когда он потягивается, демонстрируя пресс, никто не может остаться равнодушным. Особенно Лионель из дизайн-студии. Сейчас Флоран широко улыбается мне с признательностью новичка, которому дали шанс проявить себя. Вместе с ним в наш коллектив ворвалась волна свежего воздуха. Он работает у нас всего неделю, еще не покрылся плесенью и полон жизни.

Стою под дверью кабинета Дебле, но он меня пока не замечает. Зато заметил его гнусный заместитель, который бросает на меня косые взгляды из своего закутка. Он запросто мог бы быть лучшим другом Хьюго, этой двуличной гадины. Так и вижу, как они пьют пиво, сидя на *моем* диване, и перебивают всем косточки. Я стучу в дверь и вижу, как Дебле, которого я явно застала врасплох, захлопывает лежащую перед ним синюю папку. Да-да, чувак. Стекла прозрачные, и нам тоже видно, чем ты занимаешься. Терпеть его не могу. Скрытный, высокомерный, запросто может отказаться от своих слов ради сиюминутной выгоды. Его самый большой талант заключается в том, чтобы перекладывать на других работу и присваивать чужие заслуги. Последние штрихи: женат, двое детей. Что не мешает ему строить глазки сотрудницам на работе. Дебле – образцовый «кошмарный босс»; иногда даже кажется, что он – пародия на самого себя. У меня он всегда вызывал отвращение. Еще до того, как я стала ненавидеть всех мужчин.

– Войдите!

Едва я переступила порог, Дебле, не глядя на меня, сунул мне папку (не синюю) и пробурчал:

– Дорогуша, сделайте-ка мне ксерокопию.

Чтобы я поняла, что он заметил мое опоздание, он то и дело поглядывал на часы.

– А потом, милочка, сходите в службу контроля качества и напомните им, что завтра утром у нас собрание. Они даже к телефону не подходят! Это возмутительно! Но на собрании они обязаны быть. Я сообщу важную информацию, поэтому присутствовать должны все. Все без исключения!

Он протягивает мне копию объявления, которое висит в холле.

– Вручите им это, тогда они не смогут сказать, что ничего не знали. Проявите настойчивость. Если не придут, будете отвечать лично.

Я кусаю губы, чтобы не сказать: сам неси свое дурацкое объявление! И пытаюсь разглядеть, что же это за синяя папка. Из нее торчат листки, но я не вижу, что на них написано. Дебле перехватывает мой взгляд и складывает руки на папке.

– Идите, Мари! Сделайте копию и ступайте к этим... в контроль качества. Не медлите, вы и так уже немало времени потеряли.

Однажды я его прибую. К стене. Будет висеть в аляповатой раме, как работы старых мастеров.

4

Каждый раз, когда я прихожу в службу контроля качества, мне кажется, будто я совершила прыжок во времени. Мне нравится бывать там, хотя каждый визит вызывает приступ ностальгии: это единственный отдел, который никуда не переезжал и вообще остался таким, каким был с самого начала. Он занимает отдельное крыло, которого не коснулись никакие изменения. У них отдельный вход – словно щель между мирами. С улицы – с той стороны, где происходят отгрузки, – у них такой же стеклянный фасад, как и во всем здании, но, чтобы попасть к ним со стороны офиса, нужно перейти двор и войти в неприметную и скрипучую ржавую дверь.

Вытертый бетонный пол, на котором до сих пор видны следы погрузочных тележек, когда-то безостановочно сновавших тут взад и вперед. Доска, которую клали на порог, если

нужно было перевезти тележку, до сих пор лежит в углу. Ей, наверное, несколько десятков лет. Обшарпанные стены выкрашены в тот самый желтый цвет, которым обычно красят школы или подъезды старых домов. Это другой мир, в котором уютно, потому что годами ничего не меняется, и в то же время грустно, потому что все изменилось вокруг.

Темно: слабый свет лампочек высоко под потолком не может рассеять полумрак, который тоже давно стал отличительной чертой этого места. Глаза постепенно привыкают к тусклому освещению, и я чувствую себя, как в пещере Али-Бабы. Полки до самого потолка заставлены ящиками, завалены матрасами – все, что осталось от когда-то огромных складов. Ряды стеллажей пронумерованы, на табличках какие-то знаки и цифры. Вокруг ни шороха, ни звука. Теперь тут работают только три человека. Они обеспечивают доставку все более редких заказов, получают набивку и пружины из Восточной Европы и проверяют их соответствие стандартам. Чуть дальше между полками на больших козлах стоят три матраса. Они освещены мощными прожекторами, как произведения искусства на экспертном совете. Пахнет металлом и картоном и еще чуть-чуть шерстью... и немного латексом. Волшебный запах. Почти как аромат сдобного пирога.

– Есть кто живой? – кричу я. – Это Мари из службы персонала!

Никакого ответа. Вдруг где-то между стеллажами раздается звук, похожий на звон цепей, и чей-то голос произносит:

– Вы были моими лучшими друзьями! Прощайте, коллеги! Прощай, жестокий мир!

Я бегу между рядами полок. Рано или поздно это должно было случиться! Постоянная угроза увольнения, и вот – кто-то из коллег решил свести счеты с жизнью. Я кричу:

– Стойте! Стойте! Вас не уволят!

Я мчусь, не разбирая дороги, и ищу глазами несчастного, который собрался покончить с собой. Смотрю вверх и, оказавшись на одном из перекрестков, вдруг замечаю его. Он далеко. И, что еще хуже, высоко – на самом верху стеллажа. Стоит, раскинув руки и глядя в пустоту. Его зовут Кевин, и, если не ошибаюсь, у него двое детей. Нельзя допустить, чтобы произошла такая трагедия. Но я не могу даже попытаться поймать его: гора пустых коробок преграждает мне путь. Прежде чем я успеваю что-то сказать, Кевин бросается вниз.

Какой ужас! Он летит, как прыгун с трамплина, исчезает за нагромождением коробок, и я уже представляю себе ужасное зрелище. Закрываю глаза. Но вместо чудовищного хруста костей слышу странный приглушенный скрип, и Кевин взлетает в воздух, хохоча, как дитя.

У меня нет детей, но я слышала: если ребенок заставил родителей переволноваться, то потом получает хорошую оплеуху – так родители снимают напряжение. Мне очень хочется сделать то же самое. Я бегу вокруг коробок и вижу Кевина, который подскакивает на куче пружинных матрасов с нашим лучшим шерстяным наполнителем.

У подножия импровизированного батута ему аплодирует Сандро. Рядом одобрительно кивает Александр, новый руководитель службы контроля качества. Он работает у нас всего несколько месяцев.

– Великолепный прыжок! 18 из 20! – восклицает Сандро.

Кевин раскланивается и спрашивает:

– Всего 18? Почему так мало? Почему не 20?

– Слишком рано согнул ноги! И следи за положением рук в полете.

Ушам своим не верю! Я взрываюсь:

– Чем вы тут занимаетесь?! Я думала, он решил убиться!

Александр оборачивается.

– Мари, вот так сюрприз! Вы заблудились или пришли сказать, что нас наконец-то заменят роботами?

– Вовсе нет. Я только хотела сказать, что завтра утром вы обязательно должны прийти на общее собрание.

Я протягиваю ему листок, стараясь не встречаться взглядом, потому что чувствую себя неудобно. Александр читает объявление коллегам и ехидно его комментирует:

– Похоже, наши боссы собираются сообщить о повышении зарплаты и о том, что предприятие наконец-то станет самостоятельным и не будет зависеть от всяких спекулянтов.

Я пытаюсь перевести разговор на другую тему:

– Вы что, с ума сошли? Это же страшно опасно!

Кевин поднимает бровь.

– От нас ведь ждут, что мы будем максимально ответственно проверять качество продукции! Вот мы и отвечаем головой.

Александр смотрит на меня, а я... я никогда не могла выдержать его взгляд. Заметила это, как только он начал у нас работать. Иногда мне кажется, что мы встречались раньше, но не могу вспомнить где. Кроме того, я никогда особенно об этом не задумываюсь, потому что ощущение дежавю посещает меня регулярно. Вот, например, Сандро: он очень *похож* на актера, снимавшегося в сериале, который я смотрела, когда была маленькая. Я не сразу заметила, но это так. Разумеется, он просто похож на того актера, иначе был бы старикашкой, а мы с ним ровесники.

– Мне пора возвращаться. А вы продолжайте развлекаться. Но не забывайте об осторожности!

– Даже если бы мы все тут умерли, – отвечает Александр, – нас хватило бы только при переводе склада в другое место...

– Тем не менее надеюсь увидеть вас завтра на собрании, иначе Дебле отыграется на мне по полной.

Я пытаюсь улыбнуться и с некоторым сожалением покидаю склад. Эти трое – настоящая команда. Едва я вернулась в офис, как меня тут же вызвал Дебле и раздраженно спросил:

– Вы что, забыли, что я просил скопировать документы?!

Он похож на мопса. Я даже не слышу, что он говорит. Наверняка это смесь нравоучений, замечаний и мелких угроз. Преотвратное блюдо. Сейчас скажет, что я не справилась, что наши пути расходятся, что он меня увольняет. Я больше так не могу. Очень хотела бы ответить, но нет сил. Я растоптана.

Бросаюсь в комнату, где стоит ксерокс, с одним желанием: только бы не разрыдаться у всех на глазах. Если спасение чувства собственного достоинства зависит от того, открыта или закрыта дверь, – значит, ваши дела и правда из рук вон плохи.

5

Не знаю, сколько времени просидела в копировальной комнате. Не помню, как села на пол и прислонилась к копиру. Выражение «падать ниже некуда» придумано специально для меня. Спиной чувствую тепло машины, и это... это лучше, чем ничего. Если бы она могла меня обнять... Трудно думать о чем-то определенном, мысли перетекают одна в другую бессвязно и бессмысленно. Если нейронные связи, обеспечивающие работу моего мозга, – это лес, то я, кажется, нахожусь на поляне. Даже на ноги не могу встать. Вдруг дверь распахивается, на пороге появляется Эмили. Увидев меня, тут же закрывает дверь.

– Что с тобой? Почему ты тут лежишь, как полудохлая зверушка? Почему не зашла ко мне?..

– Дебле отправил меня с поручением в службу качества. А там Кевин прыгнул вниз со стеллажей. Они так проверяют качество матрасов, а я думала, что он собрался умереть. А когда вернулась, Дебле наорал на меня из-за того, что я не сняла копию с его бумажек. Но я и не могла этого сделать, в ксероксе нет бумаги...

Глаза снова наполняются слезами. Эмили опускается на колени рядом со мной и обнимает меня.

– Бедная моя, ты в ужасном состоянии. Может быть, тебе на несколько дней взять больничный? Подумать о том, как жить дальше...

Положив голову ей на плечо, я совершенно раскисаю. Вся боль, которую я так долго сдерживала, казалось, ожидала этих слов, чтобы вырваться на свободу.

– Как жить дальше? – всхлипываю я. – Связаться с очередным уродом, который меня бросит? А что я скажу врачу, чтобы получить больничный? Что ночью свалилась в канал и подралась с бомжом? Или что мне повсюду мерещатся коллеги-самоубийцы? Да он сразу определит меня в психушку. Ну и ладно, по крайней мере, у меня будет крыша над головой...

– Мари, ты в ужасном состоянии, но это и понятно! На тебя столько всего свалилось! Это тяжело, но надо держаться. Надо думать о себе! Помни, я всегда рядом. – Эмили берет меня за подбородок и поднимает голову, чтобы посмотреть мне в глаза. Большим пальцем она вытирает огромную слезу, которая катится по моей щеке. Но за ней катятся еще и еще.

– Черт, да это настоящий водопад! Ну поплачь, тебе станет легче.

– Я столько плачу, что мне уже писать нечем!

И я снова начинаю рыдать. Меня это даже бесит, но я ничего не могу с собой поделать. Эмили начинает собирать с пола бумаги, которые я рассыпала.

– Поплачь от души, а я пока сделаю тебе ксерокс.

– Эмили, я же говорю, бумага кончилась. Бумаги больше нет. И знаешь что? Я думаю, что человечество делится на две части: на тех, кто кладет бумагу в лоток, и на тех, кто не кладет! Какой ужас! Теперь-то я понимаю, как устроен мир: с одной стороны те, кто пользуется всем, до чего может дотянуться, с другой – те, кто думает о других.

– Похоже, тебе и в самом деле хреново, если пачка бумаги А4 заставляет тебя философствовать.

– Эмили, но это просто еще одно доказательство моей теории! Да-да, наш мир именно так и устроен!

– Знаешь, лучше, чтобы тебя никто не видел в таком состоянии. Так что придержи свои депрессивные теории до какого-нибудь вечера, когда мы с тобой накидаемся. Если будешь продолжать в том же духе, тебе даже напиваться не придется.

Дверь в комнату снова открывается. На пороге стоит Патрис из бухгалтерии. На его лице появляется странное выражение, когда он видит нас – меня, сидящую на полу, всю в слезах и с таким опухшим лицом, как будто я попала в автокатастрофу, и Эмили, которая ползает вокруг на четвереньках и собирает разлетевшиеся листки. Эмили вскакивает на ноги и преграждает Патрису дорогу:

– Так, ты не вовремя. Зайди попозже.

Патрис сопротивляется, но Эмили заставляет его отступить. Он ворчит:

– Мне нужно снять копию отчета! А ваш сеанс психодрамы можно провести и в туалете!

– Представь себе, сегодня никакой разницы – тут тоже нет бумаги! Так что, давай, уходи!

Она захлопывает дверь у него перед носом, и я мало-помалу начинаю приходить в себя.

– Знаешь, Эмили, кажется, на этот раз просто поплакать недостаточно. Я достигла дна и уже не поднимаюсь.

– Терпеть не могу, когда ты так говоришь. Не валяй дурака! Слишком много будет ему чести, он этого не стоит. И я запрещаю тебе возвращаться сегодня вечером в его квартиру. Зачем тебе еще один вечер с этой скотиной? Приезжай ко мне.

– Не переживай, вешаться я не собираюсь. Но я отомщу. Это заменит мне сеансы у психотерапевта. Он мне за все заплатит. Еще не знаю как, но, клянусь, мало ему не покажется.

Знаю, это смешно, но я надеялась, что Хьюго будет волноваться, если я не приду домой. Весь вечер я не сводила глаз с телефона. То и дело вынимала его из кармана: а вдруг я не почувствую, как он вибрирует? Я ждала хоть коротенькой эсэмэски, что-нибудь типа «Ты где? У тебя все в порядке?». Ждала, даже зная, что он напишет мне, только чтобы успокоить свою совесть, ведь он прекрасно понимает, что он, и только он виноват в том, что я чувствую себя полностью уничтоженной.

И тогда я с чувством глубочайшего удовлетворения – что я говорю, с наслаждением! – не отвечу ему! Отправлю в жесточайший игнор, надеясь, что он будет сходить с ума от беспокойства, потому что внезапно осознает, что вел себя как настоящая свинья. Вне себя от тревоги, он будет обшаривать больницы и морги, приюты для животных и зоопарки. На рассвете, раздавленный чувством вины, уверенный, что потерял лучшую девушку на свете, он бросится под поезд; тот нашинкует его кружочками, которые сложатся в слово *Forever*¹; в центре буквы «о» будут мои инициалы. О, причудливый знак судьбы!

Но нет. Ничего. Ничегошеньки. В отделе психологических пыток мне вручили ложную надежду – эсэмэску, но от сестры, которой приспичило со мной поговорить, потому что у нее «отличные новости». Но сегодня вечером я не могу разговаривать. Даже с ней. Перезвоню завтра утром. Интересно, что же это за отличные новости? Может быть, внезапная эпидемия, которая косит всех мужчин на планете? Да, наверняка. Завтра старшая сестра сообщит мне, что мужчины теперь – вымирающий вид. И это касается всех, кроме нашего стажера, потому что у него потрясающая улыбка, и кроме коммерческого директора, потому что он очень стильный – да что там, просто классный! И ему невероятно идут костюмы, которые он шьет себе на заказ, и приталенные рубашки.

Я провела чудовищную ночь. Не могу точно сказать почему – потому что мне было так грустно или из-за плотного ужина, который устроила Эмили, взявшись поднимать мне настроение.

Мы отлично повеселились, и завтра у нас обеих на лице появятся прыщи, а пахнуть от нас будет дай боже, хотя зубы мы почистили несколько раз подряд. Но все равно было клево. Когда кто-нибудь делает что-то специально для тебя, это всегда здорово. Паста с грибами на самом деле была веревкой, которую Эмили бросила мне, чтобы вытащить из колодца. Да, она вся была обляпана грибами и соусом, и я ее съела. Кошмар на самом деле. Если бы я была на «Титанике», наверное, слопала бы спасательную шлюпку. Меня не так-то просто спасти!

Мы с Эмили много говорили. У нее даже получилось рассмешить меня. Когда мне плохо, это удается только ей. Думаю, она превзошла саму себя, потому что мы вчера хохотали как ненормальные, а сегодня мне ужасно плохо.

У нее, кстати, тоже с мужиками не клеится. Эмили прошла нелегкий путь – от тех, кто вытирал об нее ноги, к тем, кто казался неплохим парнем, но не привык ни в чем себя ограничивать. Иногда я задаюсь вопросом: есть ли на Земле хоть одна девчонка, которая избежала этого проклятия? Существует ли хоть одна женщина, которая не страдала из-за мужчин? Языческие богини и звезды гламура, самые богатые и влиятельные женщины, в реальной жизни и в книгах, в фильмах и песнях, на всей планете, на всех языках, под любыми небесами – всем им пришлось пройти через одни и те же испытания. Отец бросил мою мать, когда я была совсем маленькой. У всех женщин проблемы, и никто не знает, как их избежать. Я перебрала всех, кого знаю, и не нашла ни одной, у кого с мужчинами все было бы просто. Мне кажется, все мы бьемся над тремя фундаментальными вопросами: где все нормальные мужики? Почему у

¹ Навсегда (англ.).

меня такого нет (особенно в эти выходные)? А если чудо свершилось и нам все-таки достался идеальный мужчина (хоть и слегка помятый в процессе доставки), то где инструкция?! Я просто уверена, что где-то есть пещера или секретный склад, который охраняют лучше, чем федеральное хранилище, и вот там-то и держат лучших парней на свете. Время от времени кому-нибудь из них удастся сбежать, но его не так-то просто узнать среди обычных мужчин. Но даже если он вдруг появится в людном месте и без маскировки, вас всегда опередит другая женщина. И оп! – красавчика уже прибрали к рукам.

Нам с Эмили в общем-то и пить не нужно, чтобы глупо хохотать над чем попало. А уж если речь идет о наших любовных историях, то это как раз и есть «что попало». Всего месяца назад Эмили была неудачницей, а я – влюблена по уши, и жизнь мне улыбалась. Но вот происходит катастрофа, я получаю золотую медаль лузерши, а Эмили теперь – аутсайдер, который возвращается на дистанцию. Она ходит на свидания, хотя это еще ни разу не закончилось серьезными отношениями. И вот-вот перейдет на следующий уровень в отношениях с парнем из соседнего дома, которого она уже давно заметила, но еще ни разу с ним не говорила. Она даже вблизи его еще ни разу не видела – только из окна своей кухни! – но все равно считает, что он «милый»! И постоянно фантазирует о том, как у них все могло бы быть. С нашим теперешним везением этот тип запросто окажется маньяком, чьи чудовищные преступления до сих пор не раскрыты. Он подманивает жертву, представляясь ей «милым», когда она смотрит на него из окна. Никто не может ему противостоять. Жертвы летят к нему, как мухи в паутину. Еще одна типичная история любви! Прекрасный шанс окончить жизнь в морозилке, будучи нарубленной на кусочки. Прессе понравится: «Он ее любил. Он ее зарубил. Фотосет и 3D-очки в подарок».

Ну а сейчас наша безумная вечеринка окончена, и я лежу одна на диване Эмили перед выключенным телевизором. По экрану скользят блики, и единственный убийца-психопат тут – это я. Я представляю все, что с удовольствием сделала бы с Хьюго. Я прочитала столько детективов, посмотрела столько идиотских сериалов, что идей у меня хватает. Я даже представляю, что играю с ним, как с куклой, наряжаю в дурацкие народные костюмы и выкручиваю руки. Видели бы вы, как он выглядел в костюме крошки-трубочиста или в эльзасских штанишках...

Я же говорила, со мной не все в порядке... Сценариев в моей голове хватит на десяток жестоких убийств.

Но в конце концов, когда, лежа в постели в чужой и тихой квартире, я завернулась в одеяло, вцепившись в него, как ребенок, который впервые ночует не дома, тоска набросилась на меня и победила, приговорив к вечным страданиям. Я совершила двойное преступление: я любила и доверяла.

Подростком я любила ночевать у подруг. Мы делали все то же самое, что и с Эмили: говорили о жизни, обсуждали парней, смеялись, ели что придется и засыпали, когда уже не оставалось сил продолжать. Но сегодня вечером все было иначе. Я была измотана, но не могла заснуть. Мне было плохо. И страшно. Как будто меня больше нет. Надеюсь, что переселение душ не выдумка, потому что эту жизнь я профукала, а ведь есть столько прекрасных вещей, которых мне так и не довелось узнать. Что ж, тем хуже. Значит, мне не повезло. Поздно что-то менять. Теперь я знаю слишком много, чтобы просто верить. Больше никаких иллюзий. Буду жить дальше, лишившись единственного сокровища – любви. Любовь – это мошенничество! Ловушка с приманкой из иллюзий. А я – как мотылек, летевший на свет лампы, – обожгла себе крылья. Теперь-то я очень хорошо понимаю женщин, пострадавших от любви. Понимаю, что им пришлось испытать. Теперь я одна из них. Я с ними. Но ведь я хотела провести остаток жизни вовсе не с ними, а с мужчиной.

Наверное, если бы мне встретился хороший парень, я верила бы в любовь до конца своих дней. Но теперь это невозможно. Я увидела изнанку праздничных декораций. Я знаю, что скрывается за словами, которыми мужчины осыпают нас, чтобы соблазнить. Это всего лишь при-

манка. Мы живем в разных мирах: у них общая граница, но и только. Мужчины устанавливают правила, заставляют нас выполнять разные трюки, размахивая перед носом обещаниями, используя против нас наши ожидания, наши мечты. Это просто возмутительно. И все это ради того, чтобы продолжить род. Но зачем?! Теперь-то я знаю. Санта-Клаус, Зубная фея, любовь и лепреконы с горшочками, полными золота, – всего этого просто не существует! Это так же верно, как то, что в автомастерской одинокую женщину обязательно обманут, уверяя, что ее машина взорвется, если она немедленно не заменит в ней все, что только можно. И как после этого жить с легким сердцем? Нельзя ни жить, ни спать. Нужно найти того, кто виноват. И я отлично знаю, кто ответит за все в моей личной и очень грустной истории. Я знаю, где он живет.

7

– Каролина, прости меня! Я не могла перезвонить раньше. У меня сегодня две важные встречи, а через десять минут начинается собрание, от которого я не жду ничего хорошего. Как твои дела? Как дети? Как Оливье?

– У нас все в порядке, спасибо! Ты ведь приедешь к нам через две недели, как договаривались?

– Конечно! Я очень хочу вас всех увидеть.

– Отлично! Отметим вместе хорошие новости. Вот послушай: помнишь Веронику? Мою институтскую подругу, она еще стала директором косметической фирмы?

– Она была, когда мы праздновали твои сорок лет? Ноги от ушей и глаза синие, как вода в унитазе, если вовремя заменить таблетку?

– Если тебе когда-нибудь придется обсуждать с ней цвет ее глаз, сделай одолжение, придумай что-нибудь другое, ведь у тебя теперь есть повод ее поблагодарить. Она улетает на целый год в США и оставляет тебе свою квартиру. И не где-нибудь, а на улице Виктора Гюго.

– Это же квартал для богачей! У меня нет денег, чтобы снимать там жилье!

– А вот и самая хорошая новость: Вероника не собирается брать с тебя деньги. Ты будешь присматривать за квартирой, поливать цветы – и все. А после возвращения она собирается делать там ремонт.

– Она что, несметно богата или у нее приступ щедрости?

– И то и другое, я думаю. Мы с ней в очень хороших отношениях, я рассказала ей о том, как этот подлец Хьюго с тобой поступил...

Я не могу выдать ни слова, и Каролина продолжает:

– Ее все это совершенно не напрягает, фирма оплачивает ей перелет и вообще все расходы, а у тебя будет целый год передышки. Так что это всех устраивает. Ну, что скажешь?

Просто не могу поверить. И бормочу:

– Действительно, отличные новости. Если, конечно, это правда.

– Разумеется, правда. Хватит все видеть в черном цвете! В жизни случается не только плохое. И позвони ей, чтобы поблагодарить.

– Обязательно позвоню! Спасибо, Каро. Ты мой настоящий ангел-хранитель.

– Я тут ни при чем. Удачи тебе с твоим собранием.

И она вешает трубку. Я стою как оглушенная посреди кабинета, все еще прижимая телефон к уху. Эмили заглядывает в дверь.

– Поторопись, все уже в конференц-зале, а Дебле хочет сначала с тобой поговорить...

Я поднимаю на нее глаза.

– У меня есть где жить! Можешь верить?

– О, класс! А теперь шевелись, потом расскажешь!

8

Все в сборе. Даже Петуле разрешили покинуть ее стойку у входа. Телефон снова будет звонить в пустоте, но на этот раз мы будем знать почему. Флоранс, наш бухгалтер, выглядит спокойной, это хороший знак. Обычно она первой узнает все новости о финансах предприятия. Клара, последняя, кого приняли на работу с бессрочным контрактом, с безумной скоростью нажимает кнопки на телефоне. Наверняка торчит на одном из этих дурацких сайтов, чтобы за бешеные деньги узнать, не изменяет ли ей бойфренд или в каком возрасте у нее появится первый ребенок. Она тратит на этих мошенников немалую часть своей зарплаты. Вот, кстати, еще одно прекрасное изобретение мужчин, эксплуатирующих страхи и надежды доверчивых женщин!

О, а вот это хорошо: трое отщепенцев из контроля качества тоже здесь. Сидят в стороне. Дебле и Нотело тихо переговариваются, как заговорщики. Дебле делает знак, чтобы я подошла. В руках у него толстая папка, но не та загадочная синяя.

– Мари, будьте лапочкой, раздайте это всем и ручки тоже.

Он протягивает мне пачку листов, а Нотело – пакет с ручками. Дебле добавляет:

– Пока они будут со всем этим разбираться, вы прочитаете вслух вот это пояснение. Старайтесь читать четко, чтобы все вас поняли. Тут разобран каждый пункт. Потом я скажу несколько слов, и мы соберем подписанные документы.

Нотело кивает в такт словам директора. Когда я вижу, как он качает головой, сразу вспоминаю собачку, которая стояла у заднего стекла в маминной машине. И как после этого относиться к нему всерьез? Дебле подталкивает меня к моим коллегам и тихо говорит:

– Ваш выход. Вы лапочка, и я уверен, что у вас все прекрасно получится.

Если он еще хоть раз назовет меня лапочкой, душечкой или дорогушей, я швырну ему документы в лицо.

Все передают друг другу листки, каждый берет себе один скрепленный экземпляр, а остальное передает дальше. Я заметила, что Патрис стянул из пакета лишнюю ручку. Лионель из дизайн-студии сидит рядом со стажером. Петула крутит руками, чтобы размять запястья. Валери уставилась на потолок. Все, кроме нее, уже открыли сброшюрованные материалы и спрашивают себя, почему вдруг сегодня на повестке дня поправки к нашим договорам. В зале царит атмосфера недоумения и растерянности.

Все получили материалы и перешептываются, а я пробежала глазами листок, который дал мне Дебле. Если я правильно поняла, речь идет о том, что отныне мы обязаны беспрекословно выполнять все распоряжения руководства, в противном случае нам грозит увольнение, а в трудовой книжке будет сделана запись о том, что мы совершили серьезное нарушение; кроме того, мы обязуемся не разглашать (устно или письменно) информацию любого свойства, полученную нами во время работы. Мы соглашаемся с тем, что нас в любой момент могут перевести на другую должность или даже в другой офис, если в этом будет производственная необходимость. Нас также уведомляют, что заработная плата может быть заморожена в любой момент, если этого потребуют нужды предприятия... И еще две страницы в том же духе. От этого просто разит мошенничеством. Я даже не уверена, что все это законно. Дебле и Нотело оглядывают собравшихся, наблюдают за реакцией. Они анализируют мельчайшие проявления подозрительности, запоминают недовольных. Александр из службы контроля криво усмехается и что-то шепчет своим коллегам. Все трое закрывают брошюры и кладут себе на колени. Коммерческий директор (темная рубашка, идеально подобранный галстук) громко спрашивает, означает ли заморозка зарплат отмену премий. Напряжение в зале нарастает, и Дебле говорит:

– Друзья мои, не волнуйтесь! Мадемуазель Лавинь вам все объяснит.

Он делает мне знак:

– Мари, вам слово.

Я снова вчитываюсь в то, что написано на листке, который он мне подсунул. У меня крепнет чувство, что Дебле меня подставляет, превращая в невольную сообщницу своих махинаций, а в итоге я стану такой же жертвой, как и все остальные. В документе, который он требует немедленно подписать (я успела только пробежать его глазами по диагонали), говорится о защите прав дирекции в ущерб нашим интересам. Господин Мемнек в гробу бы перевернулся, если бы он умер, конечно. Но он на пенсии, живет на юге и перевернуться может только в шезлонге. Скрепя сердце я начинаю читать:

– Мы собрались сегодня, чтобы подписать этот важный документ. При его составлении были учтены интересы всех сторон, и это позволит нашему предприятию развиваться, сохраняя все приобретенные...

Я делаю паузу. Я не смогу это прочесть. Нет, не смогу. Поднимаю глаза на коллег. Все смотрят на меня и внимательно слушают. Читать им этот бред выше моих сил. Мне хочется закричать: «Не подписывайте это!»

– Продолжайте, Мари! – подгоняет меня Дебле. – Не будем попусту тратить время, всем уже пора возвращаться к работе.

Нотело кивает, как пластмассовая собачка, которая вряд ли выживет в надвигающейся катастрофе. Я спрашиваю:

– А почему вы сами не прочтете то, что написали?

Дебле возмущенно отвечает:

– Потому что это ваша работа – заниматься персоналом, а именно это сейчас и требуется. Так что будьте милочкой...

– Я не милочка! И не лапочка! И мне очень не нравится, когда на меня давят! Почему вы не раздали эти материалы до собрания? Мы бы успели прочитать и обдумать, у нас бы возникли вопросы. Почему нас всех согнали сюда и заставляют что-то подписывать, не оставляя никакого выбора? И раз уж вы мне напомнили, что моя работа – заботиться о сотрудниках, я скажу, что думаю обо всем этом: то, что вы делаете, в высшей степени подозрительно!

Шепот в зале подтверждает, что многие со мной согласны. Нотело в панике, он чувствует, что ситуация выходит из-под контроля. Если бы это был фантастический фильм, то он со своим отвратительным повелителем Дебле, который собирался поработить планету Дормекс, уже мчались бы к спасательной капсуле, чтобы затеряться в космосе. Но тут они могут сбежать только через окно в туалете...

Дебле пытается перейти в контрнаступление и повышает голос:

– Вам известно далеко не все, мадемуазель Лавинь! Законы меняются, а вместе с ними и рыночная экономика. Мы действуем так быстро, чтобы защитить интересы всего коллектива!

– Неужели? Вероятно, именно для защиты наших интересов вы требуете – страница 2, я цитирую: воздержаться от любых коллективных исков (гражданских и уголовных) как против акционеров, так и против самого предприятия «Дормекс».

Флоранс энергично кивает и первая говорит вслух:

– Я это не подпишу!

Клара восклицает:

– *Viva la Revolución!*²

Похоже, фильмы слишком сильно влияют на молодежь. Клара наверняка вчера смотрела очередной вестерн Серджио Леоне. Страшно подумать, какие лозунги она стала бы выкрикивать, если бы посмотрела «Волшебника из страны Оз». А я бы тогда точно была Трусливым львом, который наконец получил смелость.

² Да здравствует революция! (исп.)

Все встают, листки, которые я раздала по приказу Дебле, остаются лежать на стульях. Дебле в ярости, и Нотело тоже. Он опять качает головой, на этот раз слева направо – наверное, мы едем по горной дороге... Я и не думала, что мои слова вызовут такую реакцию. Дебле наклоняется ко мне и с кислым видом говорит:

– Вы совершили большую ошибку, душечка. Будьте уверены, я проверю, не является ли ваша выходка нарушением трудового законодательства. Вы правы, вы совершенно не милая, и вы за это заплатите!

Собачка Нотело опять кивает головой в правильном направлении. Вид у обоих напыщенный и разъяренный. Их ход конем не прошел. Мне никогда не нравился Дебле. С самого первого дня. От него за версту несет коварством. Я не до конца осознаю, чем рискую, но не сожалею о своем поступке. Ни капельки. Даже если бы я была на седьмом небе от счастья в личной жизни, то все равно смогла бы дать ему отпор, а уж в моем нынешнем состоянии я подумываю о настоящей схватке. Я делаю шаг в его сторону. От неожиданности он слегка подается назад. Вот по этому едва уловимому движению и можно понять разницу между надменностью мужчины и его истинной смелостью.

Глядя ему прямо в глаза, я тихо говорю:

– Я тебе не душечка.

9

За обедом я рассказала Эмили о своем новом жилье, но это мне удалось далеко не с первого раза, поскольку в маленьком кафе по соседству, куда мы все обычно ходим обедать, коллеги (в основном женщины) то и дело подходили ко мне и благодарили за проявленную смелость. Некоторые спрашивали, нужно ли подписывать бумаги и что с нами будет дальше. Я превратилась в настоящего гуру. И постепенно даже отшлифовала ответ: «Мы детально изучим текст договора и посмотрим, что там законно и полезно, а затем примем решение».

Эмили иронизирует:

– Ты стала важным лицом в компании! Мои поздравления! Но будь начеку, подружка, ни на секунду не расслабляйся. Дебле и его подлый помощник отомстят тебе при первом же удобном случае. А теперь давай как следует отпразднуем твою новую квартиру.

Она поднимает бокал за мое здоровье. Мы чокаемся, но в бокалах вода. А в тарелках – отварная рыба. Мы обе знаем, что всему виной вчерашний ужин... Но как гласит пословица, настоящее горе безмолвно, и поэтому Эмили, которая войдет в историю как «отравительница пастой с грибами», говорит о другом:

– Не было бы счастья, да несчастье помогло! Зато теперь ты будешь жить в шикарном районе.

– Готова поспорить, что буду там единственная с такой маленькой зарплатой! Остается только организовать переезд. Впрочем, это будет не так уж сложно, у меня мало вещей. Можно сказать, голая пойду!

– Ха! Тогда все увидят твои сиськи!

– Ты чокнутая! Вообще-то, все зависит от того, что я буду прикрывать! И как бы то ни было, я должна поблагодарить подругу моей сестры. Со вчерашнего дня пытаюсь ей позвонить, но ничего не получается. Неужели телефон сломался?... Ты получила утром мою эсэм-эску?

– Нет. Хм-м, странно... А что ты писала?

– Неважно. Забудь. Просто восхищалась твоими вчерашними грибами...

Я задумчиво смотрю на экран. Ни пропущенных звонков, ни сообщений. Эмили достает свой телефон:

– Давай-ка проверим. – Она набирает мой номер – и бледнеет. – Ничего себе!

– В чем дело?

– Поклянись, что не будешь психовать!

– Эмили, прекрати. Ты же знаешь, я и так вся на нервах.

– Когда я тебе звоню, мне говорят, что такого абонента больше нет в сети. Твой номер отключен.

Я на секунду задумываюсь и вдруг подсказываю:

– Ну и сукин сын!

Именно в этот момент девушка из бухгалтерии кладет мне руку на плечо.

– Вы совершенно правы! Спасибо, Мари! Как хорошо, что вы были там сегодня утром, иначе Дебле провел бы нас всех!

– Как это мило с вашей стороны. Мы детально изучим текст договора и посмотрим, что там законно и полезно, а затем...

Но закончить фразу мне не удастся. Я в шоке. И внезапно восклицаю:

– Чтоб у тебя колесо пробило!

Эмили хохочет. Наша семейная традиция всегда смешит ее до слез. Каждый раз, когда мы в шоке или возмущены, мы припоминаем какой-нибудь ужасный случай из нашей жизни. Таким образом мы обходимся без грязных ругательств, а заодно избавляемся от плохих воспоминаний. Началось это еще с моего дедушки. Мне было семь лет, когда я услышала от него: «Чтоб тебя поколотили, как на свадьбе Августина!» Мама тоже так говорит, и уж ей-то есть что припомнить: «Чтоб от тебя муж ушел!», «Чтоб у тебя живот прихватило на рассвете!»... Обычно окружающие делают вид, что ничего не слышали, но Эмили наша привычка не смущает. Я и внимание на нее обратила потому, что она расхохоталась во время нашей первой встречи, когда я в сердцах воскликнула: «Чтоб у тебя каблук застрял в решетке!» Эмили тогда тоже подколола меня, как сейчас:

– Можешь добавить новую фразу в свой нелепый набор ругательств: «Чтоб тебя согнали с твоего же дивана!» Что ж, насколько я понимаю, Хьюго оплачивал ваши телефонные счета и просто отключил твой номер...

– Вот мерзавец! Он ведь меня даже не предупредил. Так, значит, теперь я без телефона... И если с мамой, сестрой, племянниками или с тобой что-нибудь случится, я даже не буду знать. Клянусь, я его убью!

– Ну, знаешь ли, если со мной что-то случится, вряд ли я брошусь тут же тебе названивать.

Она опять заливается смехом и начинает вопить, размахивая руками, как будто стоит на другой стороне ущелья:

– Ку-ку, Мари! Со мной случилось нечто ужасное! Сейчас я тебе позвоню.

Люди с недоумением смотрят на нас.

– Эмили, прекрати! Ты пугаешь людей. Да и меня тоже.

Она наклоняется ко мне и, понизив голос, доверительно сообщает:

– Ты только не подумай, я вовсе не собираюсь отговаривать тебя, если ты решила грохнуть своего бывшего! Главное – не попасться. Я даже готова предоставить тебе алиби.

– Вот поганец! Ну, если он хочет войны, он ее получит. В этой игре у меня припасено несколько козырей...

Меня переполняет ненависть. Если бы Хьюго был здесь, я бы прикончила его голыми руками, медленно душила бы, как удав душит лань, и слушала бы, как трещат его кости – одна за другой. Вот только жрать его потом я бы не стала, слишком противно.

Вернувшись в офис, я тут же позвонила маме и сестре и предупредила, что у меня пока нет телефона.

В этот момент в дверь постучал Венсан, наш коммерческий директор, тот самый, который всегда одет с иголочки. Он явно только что причесался: его темные волосы выглядят безупречно.

– Привет, Мари.

– Привет, Венсан.

– Я хотел поблагодарить тебя за то, что ты сделала сегодня утром. Это было очень смело.

– Спасибо, мне очень приятно. Мы подробно изучим текст, чтобы понять...

– Дебле и его прихвостень постараются устроить тебе неприятности, уж будь уверена.

Но я с тобой!

И он подмигивает мне.

Глазам своим не верю. Ну ничего себе... Нахал! Мало того что перебил, он еще и подмигивает. Он меня даже не слушал! Ему вообще неважно, что я говорю! Зато он сказал, что в случае проблем тут же примчится мне на помощь. Не знаю даже, нравится мне это или, наоборот, бесит.

И что тут важнее – покровительственный тон мацо или обещание защитить меня, если дела пойдут плохо? Пока я об этом думала, он уже испарился.

Пожалуй, я правильно сделала, что сохранила ему жизнь в преддверии эпидемии, косящей всех мужчин. В следующие двадцать минут многие из моих коллег зашли сказать спасибо, поздравить меня с маленькой победой, похвалить за находчивость, смелость и бог знает за что еще. Можно было подумать, что они там выстроились в очередь: один выходит, следующий уже на пороге.

Заглянул Франк, начальник производства, – он мне нравится, затем дизайнер матрасов для гостиниц, потом бывший парень Эмили, за ним – здоровяк из службы доставки, с которым я за все годы работы не успела и словом перекинуться.

Только я перевела дух после первой партии посетителей, как явился Александр, руководитель службы контроля. Он постучал и вежливо ждет, когда я разрешу войти. Я приглашаю его в кабинет. Сейчас он скажет, что я была настоящей героиней этого утра и что если у меня будут неприятности, я всегда могу рассчитывать на него. Мне нравится быть звездой, которая принимает поклонников у себя в ложе, но все-таки придется ограничить часы посещения, иначе никаких сил не хватит.

Я уже чувствую усталость...

Забавно: за обедом ко мне подходили только женщины, а сейчас – только мужчины. Тут есть над чем подумать. У женщин быстрее реакция? Мужчинам важно соблюдать ритуалы, а женщины более спонтанно выражают свои чувства? Еда для мужчин настолько важна, что они не могут думать о чем-то другом, пока едят? Женщины высказывают одобрение публично, а мужчины хвалят нас, только когда никто не видит?

Ну что ж, теперь я могу, например, собрать команду регбистов – учитывая физические данные тех, кто заходил ко мне сегодня. Если у нас будет матч с Дебле и Нотело, мы их просто размажем. Увлеченная этими видениями, я чуть не забыла, что Александр все еще стоит передо мной. Чтоб тебе лоб расшибить о стеклянную дверь! Кажется, скоро я стану такой же рассеянной, как Петула!

– Александр, вы хотели спросить, повысят ли зарплату или когда у нас наконец появится независимое управление денежными средствами?

– Это было бы неплохо, но я пришел не затем, чтобы обсуждать утренние события...

Я удивлена. О чем же тогда он хочет поговорить? Может быть, он не согласен с тем, что я сделала? Да нет, не может быть. Он же сказал своим коллегам, чтобы они ничего не подписывали, даже раньше, чем я вмешалась...

– Тогда чем я могу вам помочь?

– Ну, скорее это я... Я хотел сказать, мы можем кое-что сделать для вас. В обед я случайно услышал, как вы говорили о том, что переезжаете...

Видимо, я выгляжу удивленной, и он поспешно продолжает:

– Честное слово, я не подслушивал! Однако это моя специальность, и когда я услышал слово «переезд»...

– Ваша специальность?

– Да, я этим занимался, а еще у нас с Кевином и Сандро есть проект... Но речь не об этом. Я просто хотел сказать, что, если вам нужно, мы вдвоем могли бы вам помочь.

– Очень мило с вашей стороны, но...

– Я так и думал. Конечно, у вас с мужем полно друзей, и они помогут вам с переездом. Ну, я просто предложил...

– Это просто отличное предложение. И я не замужем. Вы не дали мне договорить, а я хотела сказать, что у меня не так много вещей. Тем не менее я должна сообразить, какой объем нужно перевезти, чтобы вы могли подготовить счет.

– Я думаю, трех банок пива будет достаточно.

– Как это?

– Мы все перевезем, а вы купите нам по пиву.

Не поняла... С чего это парень, которого я едва знаю, собирается мне помочь? Опыт подсказывает мне, что мужчины редко делают что-нибудь просто так. Чего он хочет? Может, он ко мне клеится? Да нет, если бы он хотел, то не стал бы столько ждать. Может, это Сандро положил на меня глаз, а он ему помогает? Вот это больше похоже на правду: я помню, как Сандро на меня смотрел. А, я поняла! Он хочет похитить меня и продать на органы. В разобранном виде я стою больше, совсем как мамин универсал. А может быть, мне его сам бог послал? Моя жизнь в руинах, и Всевышний, восседая в белых одеждах на облаках, почувствовал угрызения совести и теперь посылает мне хороших людей, чтобы потом не разгребать проблемы, если кто-то покончит с собой или устроит массовую резню.

– Александр, это просто здорово! Честно говоря, не знаю, почему вы с коллегами решили сделать мне такой подарок... Мне неловко, но я думаю, что не откажусь от вашей помощи. Вы свободны в субботу?

10

В последующие дни я делала все возможное, чтобы не встречаться с Хьюго. Меня тошнило при одном воспоминании о его голосе или лице. Я взяла несколько дней отпуска, чтобы спокойно собирать вещи в нашей бывшей квартире, пока он будет на работе. Дебле наверняка думает, что я испугалась его угроз, но мне все равно. Буду решать проблемы постепенно.

В четверг утром я пряталась около нашего дома, дожидаясь, когда Хьюго отправится в свое агентство недвижимости. Я следила за ним, как настоящий шпион. Спряталась за угловой стеклянной витриной. Шел дождь. На мне была шляпа с широкими полями, и я подняла воротник пальто. Как в детективах. Каждый раз, когда открывалась входная дверь, мое сердце начинало биться быстрее. Разумеется, он, как всегда, опаздывал. Когда я увидела его, сидя в засаде, меня всю передернуло. Не знаю, что это было – страх или отвращение? Но уж точно не радость. Я смотрела на него, как на совершенно незнакомого человека. Он показался мне каким-то рыхлым, и ничего в нем не было стильного. Теперь он уже не стоял на пьедестале, который я для него воздвигла. Со мной это было впервые... Просто потрясающе, насколько меняется наше отношение к людям, когда включен фильтр чувств! Снова и снова мы, женщины, ставим страсть выше реальности. Если бы я могла наблюдать за объектом непредвзято, как ученый, сколько бы времени я сэкономила! Но достаточно одного вечера, одного взгляда, и ты цепляешься за первое впечатление – приятное, но ничем не подкрепленное. В толпе, спе-

шашей укрыться от непогоды, он был всего лишь заурядным прохожим. Какое странное чувство... Если бы мне пришлось составлять антропометрическую карточку Хьюго, я бы написала:

Пол – мужской (не то чтобы очень впечатляюще).

Рост – 1 м 85 см (это он так думает, на самом деле – 1 м 75 см).

Волосы – каштановые (те, что остались).

Глаза – зеленые (красивые, но в них почти никогда нельзя заглянуть, потому что они все время бегают).

Особые приметы – довольно часто ведет себя, как обезьяна, которая хватается все, до чего может дотянуться.

Содержать строго под наблюдением.

Хьюго ушел, но я выждала еще десять минут, чтобы быть уверенной, что он не вернется. Для него это в порядке вещей – он постоянно забывает какие-то документы и спохватывается уже по пути на работу. Как только истекло дополнительное время, я рванула с места. С коробками, скотчем и страхом, от которого сжималось все внутри, я взлетела на пятый этаж, повернула ключ в замке и толкнула дверь. Как воровка. Ужасное, выбивающее из колеи чувство. Всего несколько дней назад здесь был мой дом. Возможно даже, это было для меня лучшее место в мире, а теперь каждая вещь, каждый предмет обстановки словно выталкивал меня обратно, за дверь. Пол жег мне ноги. Я даже не смогла сходить в туалет. В квартире я чувствовала себя непрошеным гостем. Я вторглась сюда, и мне не по себе. Я на вражеской, негостеприимной территории, я в доме незнакомца, противника, который нанес мне немалый урон. И теперь я пробралась к нему, перейдя линию фронта, чтобы забрать то небольшое, что у меня еще осталось. Спасти рядового Трусишку!

Я так боюсь внезапного возвращения Хьюго, что мне даже некогда грустить. Ни малейшего желания забирать фотографии, на которых мы вместе, или подарки, которые он мне делал. Это плохие воспоминания. Каждое свидетельство нашей совместной жизни – все равно что кислота на открытую рану. Я вытряхиваю вещи из своего шкафа, из ящиков и упаковываю так быстро, как только могу. Я очень быстро двигаюсь, но мне все равно холодно. Дело в том, что я отключила газовое отопление. Начало февраля, очень сочувствую, но за отопление платила я.

Я составила коробки в прихожей. Сверху на видном месте положила записку с просьбой ничего не трогать: я все заберу в субботу, в девять утра. Собираясь уходить, я окинула взглядом свои пожитки. Десять лет жизни уместилось в восемь коробок... Я поспешно вышла. Главное – не давать воли эмоциям. Только не здесь. Не сейчас.

На следующее утро я снова пришла. Чтобы было не так страшно, я говорила себе, что это в последний раз. Я опять заняла наблюдательный пункт за витриной. Кстати, я заметила там пару прелестных туфель. Да, а что такого? Шпион тоже имеет право носить красивую обувь! На этот раз дождя не было. И я привлекала гораздо больше внимания в своей широкополой шляпе, которая была нужна только для того, чтобы спрятать лицо. Хьюго вышел и остановился на пороге, внимательно оглядываясь по сторонам. Он не спешил. Он стоял как охотник, как бдительный охранник на парковке. Вероятно, он подозревал, что я где-то поблизости. Он хорошо меня знает. Ну что же, дорогой, давай, поищи меня. Ты ведь даже не мог найти утенка на рисунке с фермой! А уж свою бывшую на людной улице и подавно. Но... что-то в его поведении меня беспокоило. Мне что-то не нравилось. А что, если он сделает вид, что уходит, а сам внезапно вернется, чтобы застать меня врасплох? Теперь это уже не детектив, а фильм ужасов.

Мне совершенно не хочется, чтобы он свалился мне как снег на голову, когда я буду в квартире, пусть даже я и не делаю ничего предосудительного. У меня есть особый талант – чувствовать себя виноватой. И Хьюго умело его эксплуатировал. На этот раз я ждала не десять минут, а все двадцать. Взлетела наверх еще быстрее. Когда я проходила мимо соседских две-

рей, мне казалось, что все припали к глазкам и наблюдают за мной. Войдя в квартиру, я захлопнула дверь и привалилась к ней, с трудом переводя дыхание.

Мои коробки все еще здесь. Но я вижу, что скотч на некоторых был отлеплен и приклеен заново. Значит, он их вскрывал. Это просто возмутительно! В записке, где говорится, что я заберу свои вещи в субботу, он зачеркнул «в девять утра» и написал «в десять». Вот урод! Во всем, даже в мелочах! Я бы дорого дала, чтобы увидеть его лицо в понедельник, когда он обнаружит, что у него нет ни воды, ни электричества. За это тоже платила я. Ты мечтал жить в пещере – пожалуйста! Живи в пещере на пятом этаже, с диплодоком по имени Таня! Не каждому это дано.

Сегодня утром я хочу собрать оставшиеся документы, книги и несколько DVD. Хьюго точно не будет устраивать мне сцен из-за книг и дисков. Если в книге нет картинок, это не для него. Его интересуют только те издания, где есть фотографии мотоциклов, дорогих часов и девушек в одежде на четыре размера меньше, чем нужно, чтобы вести нормальный образ жизни. А что касается дисков – один-единственный раз я видела, как он плачет перед экраном. Когда его любимый футбольный клуб вылетел с чемпионата на кубок чего-то-там.

Я заполнила еще восемь коробок и поставила рядом с остальными. Вынося одну из них прихожую, я услышала на лестнице какой-то шум. Я замерла, как эпилептик, который борется с приближающимся припадком в кабине моментальной фотографии. Я не шевелилась, но меня всю трясло. На фотографии я вышла бы нечетко. Я слышала шаги, слышала, как позвякивают ключи на связке. У Хьюго она была просто огромная. Никогда не знала, зачем ему все эти ключи, и это всегда казалось мне ужасно глупым. Вероятно, он считал, что это придает солидности и является неотъемлемой частью его имиджа.

Я слушала, как звенят ключи, и меня било крупной дрожью. Я уже успела представить себе множество путей отступления: спрятаться в шкафу; обрести суперсилу, которая будет превращать меня в невидимку, когда я нервничаю; сорвать занавеску и завернуться в нее, притворяясь Духом прошедшего Рождества; выпрыгнуть из окна. Все эти варианты промелькнули в моей бедной голове за тысячную долю секунды.

А потом на площадке открылась другая дверь. У соседей. Мое сердце билось так сильно, что пришлось сесть. Мне понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться, хотя вряд ли тут можно говорить о спокойствии. А потом я взялась за работу с удвоенной энергией, ведь времени я потеряла немало. И успела точно в срок, который сама себе назначила. Готово! Я ощутила безмерное счастье оттого, что наконец покончила с этим неприятным делом. Просто не представляю, что бы мне пришлось пережить в его присутствии. Он бы ходил за мной по пятам – не для того, чтобы следить за мной, конечно, а для того, чтобы разговаривать. О себе любимом, разумеется. Уж лучше испытывать дикий страх, но в одиночестве, чем находиться в замешательстве от эгоистичных речей ребенка, который ни за что не несет ответственности.

Перед уходом я в последний раз обошла квартиру, избегая заглядывать в спальню. Обстановка почти не изменилась после всего, что я отсюда забрала. В конце концов, моего здесь было мало. Я жила *у него*. И сейчас, окидывая трезвым взглядом расположение и содержимое комнат, я говорю себе, что эта квартира так же банальна, как наша история любви. Уходя, я спасаюсь бегством, в буквальном смысле слова.

11

В этом квартале я никогда не бываю, иногда лишь проезжаю мимо. Но, как и всем в городе, мне известна его репутация и цена за квадратный метр. Это исторический центр города, возвышающийся над каналом, между старым монастырем и Дворцом правосудия. Здесь есть дома из тесаного камня, которые считаются исторической ценностью, широкие тротуары, обсаженные красивыми вековыми деревьями. Фонари тут словно остались со времен Прекрасной

эпохи³. Даже автомобили, стоящие вдоль тротуаров, многое говорят об уровне жизни тех, кто здесь живет. Я не привыкла к такой роскоши, но вижу в этом как минимум один плюс: теперь я буду быстрее добираться до работы. На площади, в конце моей улицы, я могу сесть на автобус и выиграть целых пятнадцать минут.

На часах чуть больше половины пятого. На улице много женщин с детьми: в соседней школе только что закончились уроки. Многие женщины моего возраста, но меня не держит за руку ребенок, и, учитывая сложившиеся обстоятельства, вряд ли это когда-нибудь произойдет. Впрочем, я не уверена, что все эти женщины – матери. Это могут быть няни или домработницы.

Я прохожу мимо цветочного магазина, химчистки, булочной-кондитерской и салона оптики. На моей бывшей улице было интернет-кафе, небольшой круглосуточный супермаркет и маленький секонд-хенд. Совсем другой мир. Я подхожу к высоким воротам дома номер 22. Так странно. Я не иду к кому-то в гости. У меня свидание с моим будущим. Я впервые вижу это место, а ведь мне предстоит здесь жить. Это подарок, свалившийся на меня с небес, но мне все-таки любопытно посмотреть, где я проведу следующие несколько месяцев.

Я предусмотрительно записала код домофона на бумажке, которую положила в кошелек. Теперь я нажимаю блестящие кнопки. Раздается щелчок. Я толкаю тяжелую деревянную дверь и оказываюсь в просторном внутреннем дворе, напоминающем небольшую площадь, посреди которой раскинулся цветник, окруженный деревьями. Снаружи даже невозможно представить себе истинные масштабы этого места. На мощеной дорожке без труда поместилось бы три, а то и четыре автомобиля. Слева вход в подземный гараж, а в глубине – подъезд внушительных размеров. По периметру – фасады домов, которые в прошлом были чьими-то частными особняками. Когда дверь за мной закрывается, уличный шум и смех играющих детей резко стихает. Окна, выходящие во двор, кажутся мне десятками глаз, которые внимательно за мной наблюдают. Но на этот раз я не самозванка, нет. Скорее я чувствую себя как новенькая в школе.

Я поднимаюсь по ступенькам, озираясь по сторонам. Да уж, Эмили будет впечатлена, когда придет ко мне на ужин. Вхожу в холл и направляюсь напрямик к комнате консьержки. Стучусь. Невысокий мужчина, уже далеко не молодой, открывает дверь. На нем синий халат: такие носили прежде торговцы в скобяных лавках.

– Здравствуйте! Я ишу консьержку, вы, должно быть, ее муж?

– Нет, я золовка папы римского. А вы кто?

Растерявшись, я бормочу:

– Я буду жить в квартире мадам Орлеан и хотела увидеть консьержку. У нее должны быть ключи для меня.

– Нет тут никакой консьержки. Я консьерж. Вы на моей территории. Здесь я всем занимаюсь. Подождите секунду, Вероника оставила конверт, и я должен вам объяснить, как тут все устроено.

Он исчезает в своей комнате. Не очень-то он любезен. Сквозь открытую дверь я замечаю португальский флаг, перекрещенный с французским. Это объясняет его акцент. Мужчина возвращается с большим конвертом в руках.

– Квартира на четвертом этаже, на солнечной стороне, вы прекрасно устроитесь. У нас здесь спокойно. С вами на этаже живет мадам Бремон, прекрасная женщина, очень элегантная, ее практически никогда не бывает дома. А с другой стороны проживает месье Дюссар, директор большой компьютерной компании. Я пытаюсь поженить их уже три года!

Зачем он мне это рассказывает?

Двое ребятшек забегают в подъезд. Их грязные ботинки пачкают пол. Консьерж окликает их:

³ Условное обозначение периода европейской истории между 1890 и 1914 годами. – Прим. перев.

– Антуан, Хьюго, куда это вы собрались, не вытерев ноги? Вас что, мама ничему не учила? Ну, разумеется, ведь она проводит больше времени в парикмахерской и тренажерном зале, чем с вами... Что ж, тогда скажу вам как мужчина мужчинам: потрудитесь вытирать ноги! Потому что, если я увижу, что вы наташили с улицы грязь, заставлю вылизывать пол – сантиметр за сантиметром.

Я застыла на месте. Разве можно так разговаривать с детьми? Но в то же время он прав. Мальчишки отвечают хором: «Хорошо, месье Альфредо!» и послушно вытирают ноги. Я отмечаю, что его акцент становится заметнее, когда он нервничает.

Консьерж поворачивается ко мне.

– Здесь все зовут меня месье Альфредо.

Он ведет меня к лестнице.

– Вон там у нас лифт, но в вашем возрасте я бы рекомендовал вам ходить пешком, чтобы поддерживать форму, а лифт использовать только для подъема тяжестей.

Я все жду, когда он скажет, что ему не нравится моя прическа. Меня поражают его слова. Но при этом не шокируют. Интересно, сколько ему лет? Если смотреть на седину в волосах и на руки – все шестьдесят, но энергия в нем так и кипит, так что двадцать можно смело вычесть.

На лестнице безупречно чисто. Хьюго и Антуан догоняют нас и, смеясь, обгоняют. Консьерж сторонится, пропуская их.

– Бегите, молодежь! Не забудьте сделать уроки, прежде чем сядете за компьютерные игры!

Мы поднимаемся на четвертый этаж. Месье Альфредо достает из конверта связку ключей и с неожиданной грацией передает мне, указывая на дверь посреди лестничной площадки.

– Вот ваша квартира – самый большой ключ. Второй – от подвала, круглый – от гаража. Когда вы переезжаете?

– Завтра утром, но у меня не так много вещей.

Я вставляю ключ в замочную скважину.

– Замок немного туговат, – замечает он. – Я займусь этим на следующей неделе. Теперь что касается почты: вам приносить ее сюда или сами будете забирать внизу?

– Как вам удобно.

– Тогда заходите ко мне во второй половине дня, ближе к вечеру.

Я вхожу в свою будущую квартиру и испытываю шок. Она просто огромна. Обычно такое жилье можно увидеть только в кино. Из прихожей я вижу просторную гостиную, направо тянется коридор с тремя большими дверьми, другой коридор уходит налево, там тоже двери. В комнатах стоит мебель, поэтому кажется, что я у кого-то в гостях.

Консьерж достает из конверта листок бумаги.

– Вероника сказала, что вы можете здесь все устроить и переставить, как вам нравится. Когда она вернется, все равно будет делать ремонт. Она пишет: «Чувствуйте себя как дома». Холодильник здесь, кухня там, вода перекрывается под раковиной. Если будут проблемы, обращайтесь ко мне. Ни в коем случае не вызывайте ни сантехников, ни других мастеров, не посоветовавшись со мной. Обычно эти проходимцы только все испортят и деньги сдерут. Так и норовят обмануть одинокую женщину. Вероника сказала, что вы не замужем...

– Мы недавно расстались.

Даже если в глубине души месье Альфредо мне симпатичен, это уже проявление бестактности. Я снимаю обувь и вхожу в гостиную. Он идет следом. Я оборачиваюсь:

– Мадам Орлеана просила еще что-то мне передать?

Он понимает намек. Бросает взгляд на лист бумаги.

– Ничего особенного. Прочтете сами. Я вас оставляю. Будьте любезны, выносите мусор вниз по понедельникам и четвергам. Если появятся вопросы, вы знаете, где меня найти. Добро пожаловать в наш дом.

– Большое спасибо.

Он выходит и закрывает за собой дверь. Щелчок напоминает мне звук пробки, вылетающей из бутылки шампанского. Словно сигнал к началу негромкого ликования, внутреннего, сокровенного праздника. Хлопнувшая дверь – как точка в конце страницы. Или нет, скорее это заглавная буква в начале следующей. Тишина, пространство, свет. Я одна и чувствую себя счастливой. Я медленно набираю воздуха в легкие, затем резко выдыхаю. И так несколько раз.

Впервые за несколько недель я нахожусь там, где могу полностью расслабиться, где никто не сможет меня обидеть. Настоящая тихая гавань.

Я осматриваюсь вокруг, медленно кружась на месте. Мне кажется, я не делала этого с самого детства. Мебель хорошая, но не особо оригинальная и несколько старомодная. Я прохаживаюсь по квартире, которая мне не принадлежит, испытывая восторг от открывающегося пространства. Одна только кухня больше любой гостиной, какие я видела. Две спальни, гардеробная, кабинет, ванная комната с прекрасным итальянским душем. Огромное зеркало, в котором я занимаю так мало места, но благодаря дневному свету выгляжу просто замечательно. В окно гостиной видны двор и деревья. Припав к стеклу, я различаю окна других домов. Отсюда я всегда смогу увидеть приближение неприятеля и неприятностей. Долю секунды мои губы улыбаются: я чувствую себя в безопасности. Над моим новым жильем раскинулось голубое небо. Я всегда любила места, откуда видно небо.

Я осторожно сажусь на бежевый кожаный диван, который в три раза больше моего и, должно быть, стоит в десять раз дороже. Я не могу себя убедить, что это мой дом. Зато я начинаю думать, что смогу здесь набраться сил. А это уже немало. Если бы моя жизнь была космическим кораблем, я бы сказала себе, что он потерпел крушение на незнакомой планете. Теперь придется его полностью восстанавливать, но я, наконец-то, прибыла в мастерскую. Я себя знаю: некоторые аварии забываются быстро, но на этот раз мое сердце разбито, и я не уверена, что смогу его когда-нибудь снова запустить. Это ужасно, но сейчас мне на это глубоко наплевать. В данный момент меня больше волнует, достаточно ли далеко я вытянула ноги, чтобы положить их на журнальный столик.

12

Я смотрю на часы. Ровно десять утра. Я рада, что Кевин, Сандро и Александр со мной. С ними не так страшно. А ведь я их едва знаю. Сейчас они мои лучшие союзники. Я стала такой уязвимой, что готова опереться на чужих людей. Еще несколько недель назад тот, кто сегодня откроет нам дверь, был мужчиной моей жизни. Какое странное выражение. На основании чего вообще можно делать такие заявления? Не знаю, но я так чувствовала. А теперь он стал воплощением моего худшего кошмара. Это факт. Позвонив в дверь Хьюго, я словно поднимаюсь на боксерский ринг, чтобы дать бой. Я трясущими руками, чтобы расслабиться. Мне хочется отправить его в нокаут, но я не в той весовой категории... Кевин, которому я объяснила ситуацию, шепчет:

– Не волнуйтесь, все будет хорошо. С нами вам ничего не грозит.

Хьюго открывает дверь. Судя по всему, я вытащила его из постели.

– А, это ты? – бормочет он.

– Как и договаривались.

– Кофе будешь?

– Спасибо, нет.

– Может, тогда сделаешь мне чашечку?

Главное – не реагировать. Не думать. Эмили велела мне полностью сосредоточиться на моей цели: забрать вещи и свалить. На Хьюго одна из его бесформенных футболок и халат, похожий на мешок. Я не собираюсь ему варить кофе, и он ворчит:

– Вижу, мадам все еще сердится... Я поправляю его:

– Мадемуазель.

Что это я, в самом деле? Ведь уже прошло целых две недели с тех пор, как меня предали, обманули, бросили и вышвырнули из дома. Ну что тут скажешь – женщины действительно такие злопамятные! А вот он, судя по всему, уже забыл, сколько боли причинил мне. Я стискиваю зубы. Только бы не дать чувствам одержать верх. Я пришла за своими вещами. Нельзя ни на секунду забывать о своей цели. Если хрупкая плотина, удерживающая мои эмоции, не выдержит, я наброшусь на него, выцарапаю глаза, вырежу свое имя и все, что о нем думаю, на его мерзкой трусливой физиономии ножами для рыбы, которые он заставил меня купить, потому что это круто, и которыми мы никогда не пользовались. Подлый сунс. Дыши медленно, Мари.

– Господа, нужно забрать все эти коробки и вон тот диван.

Александр проходит мимо меня и шутливо отвечает:

– Как скажете, хозяйка!

Все трое берут по коробке и спускаются вниз. Я остаюсь в квартире с Хьюго. Даже не знаю, где он сейчас. Настороженно прислушиваюсь. Чтобы придать себе уверенности, я начинаю убирать вещи со своего дивана. Из коридора доносится шум. Похоже, он вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Обычно он этого не делает. Мне кажется, я слышала чей-то голос. А что, если он не один? Если эта грязная шлюха тоже здесь? Мне хочется пойти и выломать дверь, чтобы убедиться в этом. Представляете? Так и вижу заголовки в газетах: «Разъяренная женщина убила своего бывшего и его любовницу ударами зубочистки и пыталась избавиться от тел, скормив их шиншиллам». Или так: «Во время молитвы, когда она просила облегчить ее мучения, божественный луч внезапно уменьшил в размерах бросившего ее мужчину и его подлую спутницу. Она нечаянно двадцать восемь раз наступила на них и спустила в унитаз, чтобы избавить от страданий».

Хьюго прислоняется к дверному косяку, небрежно запахивая халат. Уверена, он считает себя соблазнительным.

– Тебе не кажется, что здесь холодно?

Болван, здесь не холоднее, чем в моем сердце, а тебе всего лишь нужно оплатить счета. Мне никогда не нравилось, когда он вставал в эту нарочитую позу фальшивого плейбоя, такого авантюриста, чувствующего себя уверенно при любых обстоятельствах. Помнится, в последний раз он сделал это в отпуске на море – прислонился к бамбуковому столбу в холле отеля, и тот не выдержал его веса. Он растянулся прямо посреди холла и сторал от стыда. А потом дулся на меня весь вечер, потому что я осмелилась рассмеяться. Вспомнив об этом и глядя на него сейчас, я невольно улыбаюсь. Он, должно быть, решил, что я смягчилась, но мне на него абсолютно наплевать. Вдруг он произносит:

– Ты не оставила свой новый адрес.

– Зачем? Раньше он у нас был один. И не я решила это изменить.

– Тебе же будет приходить почта...

– Не волнуйся. Я зайду в почтовое отделение и сообщу им свой новый адрес. А потом, ты всегда можешь мне позвонить.

– Кстати, забыл тебя предупредить: твой мобильник могут отключить... Я изменил договор, не буду же я платить за твой телефон, раз мы больше не вместе. Это логично.

– И правильно сделал. Совершенно с тобой согласна. Незачем за меня платить.

– Дашь мне потом свой новый номер?

Александр и двое его коллег наконец возвращаются, избавив меня от необходимости отвечать. Воспользовавшись их успокаивающим присутствием, я одним движением сбрасываю барахло, лежащее на моем единственном движимом имуществе. Хьюго этого даже не замечает. Я бросаюсь в прихожую и шепчу Александру:

– Прошу, не оставляйте меня с ним одну. Спускайтесь по очереди, пожалуйста...

Он кивает и говорит:

– Сандро, останься со мной, займемся диваном. Кевин, справишься с коробками?

Я перевожу дух. Прихожу в себя. Александр с поразительной легкостью приподнимает диван. А ведь он такой тяжелый! Рядом с ним Хьюго кажется хиленьким. Мне снова слышится шум. Я почти уверена, что она здесь.

Мои помощники переставляют диван. Хьюго заявляет:

– Можете уносить, он мне не нужен. Мы с Таней все равно собирались покупать новый. Не думаю, что этот цвет ей понравится. Наверняка она выберет что-нибудь более соответствующее ее возрасту – поярче, поживее. Этот все равно уже обтрепался...

После такого подлого выпада любой суд мира оправдает меня, если я заставлю этого гада проглотить десять килограммов пороха, засуну ему фитиль сами знаете куда и подожгу. Но я сдерживаюсь. Для этого у меня есть один секрет. В подобных случаях я использую эффективный метод, позволяющий не поддаваться гневу: я вспоминаю тот день, когда мама вернулась домой вся в слезах, потому папа ушел, оставив ее одну с двумя детьми. Она села в прихожей, положив сумку на колени, и проплакала несколько часов, прерываясь лишь для того, чтобы взглянуть на нас или прижать к груди. Я никогда в жизни не видела никого несчастнее. Это стало моим абсолютным эталоном горя. Невозможно забыть ее взгляд. Прошло столько лет, но печаль, поселившаяся в мамином сердце в тот день, так до конца и не исчезла из ее глаз. Мне тогда было пять лет, но я помню все так же отчетливо, словно это случилось только что. Когда я росла, мне часто говорили, что я унаследовала серо-зеленые глаза своей матери. Наверное, в тот вечер на берегу канала у меня впервые появился ее взгляд. И когда я вспоминаю ее отчаяние, мои беды кажутся не такими страшными.

Но сегодня мне стало действительно больно. Меня душит ярость и пожирает гнев. Этот кретин Хьюго даже не представляет, какой опасности себя подвергает. Насколько я его знаю, увидев, что я не реагирую, он будет и дальше провоцировать меня. Судя по всему, Александра и Сандро его слова тоже шокировали. Не думаю, что мой диван случайно задевал каждую стену, когда они его выносили. Но Хьюго снова ничего не заметил.

Три ангела-хранителя погрузили мои пожитки меньше чем за час. Без них я бы не смогла с честью пережить эти ужасные моменты. Я бы все бросила и убежала. Иногда бегство – единственный способ прекратить страдания. Когда все было закончено, Кевин, Сандро и Александр проявили деликатность и бегом поднялись вверх, чтобы не оставлять меня одну. Они стоят на лестничной площадке и ждут меня. Хьюго это явно нервирует, но он делает еще одну попытку:

– Скажи хотя бы, где ты будешь жить... У своей матери? У подружки-хохотушки, не помню, как ее зовут?..

– Нет, у меня будет своя квартира, гораздо больше этой.

Замолчи, Мари, гордыня навлечет на тебя неприятности.

– И какой же адрес у этого дворца?

Я замечаю один из его автомобильных журналов, на обложке которого изображена гоночная машина с номером 13. Мой взгляд в панике мечется вокруг, и я замечаю марку термостата над выключателем: «Мейер».

– Улица Мейер, дом 13.

Со мной такое случается, когда я испытываю сильный стресс. Я нахожу ответы в том, что вижу. Как правило, ничем хорошим это не заканчивается. Но на этот раз результат нулевой. Хьюго пожимает плечами:

– Это мне ни о чем не говорит.

– Неважно.

В любом случае он забудет мои слова через пять минут. Он подходит ко мне. Я отступаю назад.

– Ну вот, – говорит он мне пленительным голосом «скромного героя». – Теперь наши пути расходятся.

Вот придурок. Точнее будет сказать, что наша тропа, ведущая по крутому склону, в этом месте обрывается в пропасть. Как он смеет нести такую чушь? Видимо, в детстве мама позволяла ему слишком долго смотреть глупые телесериалы вместо того, чтобы заниматься его воспитанием. Он запомнил диалоги оттуда наизусть.

– Я благодарен тебе за эти счастливые годы.

Продолжение: шестая серия, второй сезон.

– Надеюсь, мы будем видеться. Я хочу остаться твоим другом. Даже если наша история сложилась не так, как мы об этом мечтали, не будем разрушать то, что в ней было хорошего.

Кто-нибудь, сжальтесь, выключите звук! Изображение и так не очень радует глаз. Лучше бы он вручил мне коробку с DVD-дисками, чтобы я каждый день смотрела понемногу, а не вываливал на меня все сразу...

– Кстати, – добавляет он, – не забудь вернуть мне ключ. Он ведь мне нужен, понимаешь...

Еще как понимаю, дружище! Переходим от бразильской мелодрамы к американскому боевику. Серия, где Джо угрожает сломать Биллу руку, если тот не отдаст ему ключ от сейфа... Я достаю ключи из сумки.

– Держи, Джо, вот твой ключ.

Ловлю на себе недоумевающий взгляд.

– То есть я хотела сказать «Хьюго». Это от волнения, наверное.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, но это уже перебор. Если он дотронется до меня или произнесет еще хоть одну фразу, боюсь, что даже несчастный взгляд матери мне не поможет. Я разворачиваюсь и ухожу.

Когда я спускаюсь по ступенькам, из глаз начинают течь слезы. Если проанализировать их состав, там обнаружится 30 % горя, 35 % гнева, 10 % стресса, остальное – минеральные соли и глазной пот. Да, звучит отвратительно, но я девушка, которая потеет глазами, особенно сегодня. Рыдая, я спотыкаюсь. Если бы Александр не успел схватить меня за руку, я бы скатилась по лестнице, как один знакомый пьянчужка, который по ночам болтается на пирсах. Я бесконечно благодарна Александру.

В грузовичке, который везет нас в мой новый дом, я заливаюсь горячими слезами, а трое парней проявляют тактичность и ведут себя так, словно ничего особенного не происходит.

– Спасибо вам огромное, – говорю я, вытирая глаза. – Вы даже не представляете, как ваше присутствие мне помогло. Без вас я бы точно не выдержала. Я убила бы его или сама бы умерла. Или убила бы нас обоих. Но сначала его.

– Это, конечно, не наше дело, – шутит Сандро, – но, думаю, мы помогли бы вам спрятать тело...

Я улыбаюсь.

– Ребята, трех банок пива будет недостаточно за вашу бесценную помощь. Дайте мне несколько дней, чтобы разобрать вещи, и я приглашу вас на ужин.

Александр усмехается:

– Учитывая, сколько весит диван, боюсь, вам придется танцевать на столе...

13

Первая ночь в незнакомом месте всегда необычна, но та, что я провела в своей новой квартире, отличается от всего, что мне доводилось переживать раньше. Это было нечто вроде путешествия во времени... Я просыпалась несколько раз, думая, что нахожусь в другом месте. В темноте звуки и запахи становятся четче и уводят нас далеко, в глубь нашей памяти. В квартире стоит тонкий цветочный аромат, наверняка очень дорогой, который, видимо, принадле-

жал хозяйке, но мои коробки и диван привнесли свой запах, создав некую не поддающуюся определению смесь.

Но больше всего сбивают с толку звуки. Двери открываются и закрываются, и непонятно, наверху это или внизу; сквозь стены проникают приглушенные голоса, детские звучат пронзительнее; со двора доносится смех; каждый треск и скрип новым узором вплетаются в чувственную карту этого места. Нужно научиться слушать эту музыку, чтобы не воспринимать ее как ожидание некой угрозы, чтобы перестать ее бояться. Наша память устроена так странно... В первый раз я проснулась примерно в час ночи. Мне показалось, что я в своей спальне, в доме матери. Мне пятнадцать лет, за стенкой моя сестра разговаривает во сне. Я была почти разочарована, когда поняла, что это не так. Мне бы хотелось снова очутиться под защитой семейного кокона, может, и не такого прочного, зато наполненного любовью. Проснувшись во второй раз, я оказалась в летнем лагере в горах, в большой спальне для девочек, где шестнадцать кроватей стояли в ряд. В моей новой просторной спальне это было неудивительно. При третьем пробуждении мне почудилось, что я в школе-интернате, вместе с соседкой по комнате, с которой познакомлюсь только утром. Я даже не подозревала, что все эти ощущения до сих пор живут во мне, такие яркие, реальные. Бабушка Валентина часто говорила, что мы ничего не забываем. «Все хранится здесь», – повторяла она, указывая пальцем на свое сердце. Вспомнив о ней, я испытала настоящий шок.

Я вдруг поняла, что забыла кое-что в квартире Хьюго. Кое-что очень важное. Одну из тех вещей, которую мы первой выносим из горящего дома, поскольку ее нужно спасти любой ценой. На мое восемнадцатилетие бабушка Валентина написала мне письмо; она тогда была старше меня на шестьдесят лет. Четким убористым почерком она написала обо всем, чего желает мне в будущем, а еще рассказала, чему научила ее жизнь. Это драгоценное наследство занимало три плотно исписанные страницы. Целая жизнь в нескольких строках истины, добытой в испытаниях, из которых с трудом удастся выбраться целым и невредимым. В ее письме говорилось о любви, о совести, о мужестве и силе воли. Потрясающее послание, которое тогда меня растрогало, а со временем приобрело огромную важность. Два года спустя бабушка Валентина умерла, и ее письмо превратилось в настоящее сокровище. На каждый день рождения, в любой безвыходной ситуации я возвращаюсь к ее словам в поисках ответов. И все чаще нахожу их. Три волшебные страницы. Всякий раз они открываются мне с новой стороны. Даже если в ту пору я больше обрадовалась чеку, который бабушка положила в конверт, сегодня я четко осознаю, какой из двух подарков дороже. Я даже не помню, на что потратила деньги, но ее слова до сих пор поддерживают меня. Это один из самых драгоценных подарков, которые я получала. Когда мои отношения с Хьюго начали портиться, я обращалась к нему снова и снова. Но, несмотря на всю ценность этого письма, бабушка Валентина не дала в нем чудодейственного рецепта счастливой жизни с мужчинами.

Однажды вечером я сидела и перечитывала его, и Хьюго пришел с работы раньше времени. Я испугалась, что он поднимет меня на смех, и поспешно спрятала письмо между двумя книгами на верхней полке книжного шкафа. Там оно и лежит до сих пор. Я бы многое отдала, чтобы это письмо было сейчас здесь, у меня в руках. С каким бы удовольствием я открыла конверт, вдохнула его аромат, погладила слегка пожелтевшие странички и воздушные завитки подписи, похожей на улыбку той, кого мне так не хватает.

Сон как рукой сняло. Теперь я пытаюсь придумать, как забрать письмо. Хьюго я не доверяю, да и не хочу, чтобы он трогал его своими грязными лапами. Худшее не должно касаться лучшего. При одной мысли о том, что он и его новая подруга начнут убирать в квартире и выбросят письмо на помойку, мне становится дурно. Что же делать? Я должна поговорить с Эмили. Она что-нибудь посоветует. Но без телефона я не смогу сегодня с ней связаться. К тому же я думаю, что она проводит воскресенье с очередным кандидатом в бойфренды, с которым познакомилась в театральном клубе. Значит, придется отложить до завтрашнего утра.

Я встала еще до рассвета. Нужно было хоть чем-то себя занять, чтобы не думать о письме. Я бродила из комнаты в комнату, усаживаясь прямо на пол и изучая каждый уголок, – искала способ почувствовать себя здесь дома. Подруга моей сестры позволила все поменять, но на это не так просто решиться. Думаю, одну из комнат придется превратить в мебельный склад. Я отнесу туда всю ее мебель, включая этот большой диван. Мой старичок, конечно, затеряется в бескрайней гостиной, но с ним мне будет уютнее.

Меня не покидает ощущение, что я начинаю новую жизнь. Я впервые буду жить одна и сама принимать все решения. До сих пор мне не доводилось этого делать. Из маминого дома я отправилась в интернат, а получив диплом, сразу встретила Хьюго. Я чувствую сладостную дрожь свободы и в то же время страх перед одиночеством. Что я буду делать со всем этим пространством и со всей этой свободой? Создавать уют для самой себя неинтересно. Наибольшую продуктивность я проявляю, когда делаю что-то для другого. Мне кажется, это свойственно большинству женщин.

Думаю, мне лучше временно пожить среди коробок, пока я не освоюсь с этим местом.

Так и не определившись, что делать с письмом, я провела воскресенье в блаженном безделье. Я не выходила на улицу и бродила по квартире. Трижды приняла волшебный итальянский душ. Мне хотелось в одиночестве сидеть в своей норке, чтобы несчастный мозг спокойно разобрался с событиями последних дней. Я смотрела, как бегут минуты, хандрела, думала о тех, кто мне дорог. Вспоминала людей, которых отдалил от меня Хьюго: своих прежних друзей и кузенов. Злилась на него, придумывала новые дьявольские планы мести. Даже в покое и безопасности, даже чувствуя мучительный упадок сил, притупляющий бдительность, я считала его поступок возмутительным. Можно сколько угодно говорить себе, что, наверное, я тоже в чем-то не права, но ему нет прощения. Стоит только вспомнить его шаблонные фразы, как во мне начинает бурлить ярость, хочется закричать и ударить его. Сегодня у меня было достаточно времени, чтобы заново пережить все эти эмоции. Я вызывала в себе сильный гнев и отпускала его, подобно волне, которая возвращается в океан, разбившись о скалы. Скалы – это мое новое жилье, убежище посреди бури, где я могу побыть собой, а океан – это слезы моей боли, моего горя и моих надежд, растаявших, как снег на солнце. Знакомые, родные и друзья не гарантируют, что однажды мы не окажемся отчаянно одинокими перед лицом несчастий. Я вознамерилась впредь обходиться без мужчин и без каких-либо иллюзорных чувств. Я больше не хочу быть жертвой грез, которые мужчина сначала дарит, а потом разрушает. Я стану самостоятельной, свободной и ни от кого не буду зависеть.

Я долго смотрела в окно. Кажется, я почти весь день провела в гостиной. Не буду ставить здесь телевизор. К чему тратить время на бесполезные вещи?

Вечером, когда я легла спать, я уже понимала, где нахожусь, но, несмотря на все принятые мной решения, не знала, какой теперь будет моя жизнь.

14

Должна признаться, я обрадовалась, когда за окнами забрезжил рассвет. С одной стороны, было здорово провести воскресенье в своем ритме, без спешки и чужого давления. Надо время от времени устраивать такие дни – как некий ритуал, как свидание с самой собой. Но теперь мне снова хочется увидеть людей, ощутить биение жизни. Мне также не терпится поговорить с Эмили о письме.

Выходя из квартиры, я нос к носу сталкиваюсь с соседом.

– Здравствуй! – произносит он с искренней улыбкой и представляется, протягивая руку: – Ромен Дюссар.

– Очень приятно. Мари Лавинь.

В его антропометрической карточке я бы написала: «Рост 1 м 85 см, волосы темные, глаза карие, стройный, руки ухоженные, одет элегантно, обручального кольца нет».

– Значит, это вы въехали в квартиру Вероники?

– Да, на год.

Мы вместе спускаемся по лестнице. Ощущаем холодный поток воздуха, поднимающийся из холла. Мужчина поднимает бархатный воротник своего пальто идеального покроя, я закрываю шею дешевым шарфом.

– Вот увидите, это очень приятный дом. Единственная проблема связана с покупкой продуктов. Магазины находятся довольно далеко. Но есть возможность заказать доставку на дом. Если вы любезно попросите месье Альфредо, он может вам это устроить.

Мы проходим мимо комнаты консьержа, там нет никаких признаков жизни. Я осторожно замечаю:

– Рано вы начинаете свой рабочий день...

– Мне нравится приходить раньше всех. Потом набегают народ, телефонные звонки, совещания... Зато этот час я могу продуктивно поработать. Но я смотрю, вы тоже ранняя птичка.

– По той же причине, что и вы. Я планирую свой день, а потом у меня встречи с людьми.

Мы идем через двор. Он спрашивает меня:

– Где же вы работаете?

– В отделе кадров, на предприятии по производству матрасов класса люкс. А вы?

– Управление информационными системами.

Я пытаюсь изобразить восторженный возглас, но это больше напоминает хрип умирающей курицы, которую переехал трактор. Сосед останавливается возле двери, ведущей в гараж.

– Искренне рад, что мы соседи. Надеюсь, скоро увидимся.

Вот так он со мной распрощался. Его улыбка совершенна – идеальное сочетание движений губ, ямочек и безупречных зубов хищника. Занятая его созерцанием, я не сразу отвечаю:

– Да, конечно, отличного дня.

Он поворачивается ко мне спиной, а я покидаю двор.

Улица кажется мне освежающей ванной, и я с удовольствием в нее ныряю. Наконец-то жизнь – пусть даже без школьников, которые еще не проснулись. Шагая к автобусной остановке, я думаю о своем соседе. Почему мне раньше не встретился такой мужчина? От чего зависят наши встречи с людьми? Каковы критерии, факторы, которые сближают нас или отдаляют? Могут ли женщины строить жизнь, не занимаясь поисками мужчины своей мечты? Что-то очень важное кроется за всеми этими вопросами. Какой была бы моя жизнь с Роменом? Я бы стала Мари Дюссар, поскольку так уж повелось – мы жертвуем своей фамилией ради того, кому отдаем себя. Возможно, мы бы с ним жили здесь, у нас было бы двое детей, которых месье Альфредо бранил бы за то, что они лазают по деревьям во дворе. Но кто знает? Может, за приветливым и элегантным фасадом этого господина скрывается монстр, который причинил бы мне столько же боли, сколько и Хьюго, – потому что больше причинить невозможно. Он бы тоже меня предал. Он бы лгал мне и, может, даже перестав со мной жить, потребовал бы остаться его женой, чтобы сохранять видимость, которой он, судя по всему, придает большое значение. Существует ли на земле хоть один мужчина, которому можно доверять? Я готова отдать десять лет жизни, чтобы получить гарантированное «да» или «нет» – если можно, от самого Господа Бога. А еще пять лет своего жалкого существования я бы отдала, если бы мне сообщили адрес этого мужчины. Или хотя бы его почтовый индекс.

Явившись на работу, я услышала возглас из холла: «Поберегись!» и еле успела отпрыгнуть назад, пропуская Петулу, которая делала колесо. Живо представила себе, как бале-

рины в театре кричат: «Поберегись!» всякий раз, когда собираются выполнить какую-нибудь фигуру...

Даже не запыхавшись, Петула безупречно приземляется на свои красивые стройные ножки и спрашивает:

– Привет, Мари, тебе уже лучше?

– Я не болела, я переезжала. Кстати, нужно дать тебе мой новый адрес и номер мобильного.

– Значит, тебе пришлось делать генеральную уборку! А ведь еще даже не весна!

Теперь можно не сомневаться: все коллеги будут в курсе перемен в моей жизни. Я про-
должаю:

– Как твой просмотр?

Как всегда, стоит завести речь о танцах, и Петула оживает.

– Велели прийти в следующую субботу! Нас осталось всего четыре девчонки. А вначале было больше шестидесяти!

– Отлично! Будем держать за тебя кулачки. Смотри, не повреди себе ничего на этой неделе.

В этот час большинство кабинетов пустует, но несколько коллег уже на месте и дружно приветствуют меня. Поразительные перемены! Прощай, безразличие, отныне я имею право на знаки внимания, улыбки, все знают, как меня зовут. Я даже могу выпустить собственный альбом или линию одежды. Можно будет поставить на телефон что-нибудь типа: «Давай, Мари, засунь свою жизнь в... Дзынь! Дзынь!» Звучит пугающе.

Мой кабинет кажется меньше, чем обычно. Может, потому что я переехала в просторную квартиру. Как золотые рыбки, я привыкаю к среде обитания, и теперь мне тесно в этом аквариуме. Если только подлый Дебле со своим помощником за время моего отсутствия не сдвинул перегородки на несколько сантиметров. Они будут постепенно уменьшать мое пространство, пока я не окажусь зажатой между стеклянными стенками, словно музейный экспонат или старый гербарий. Нужно будет продумать свою одежду и позу в последний день.

В своей электронной почте я как раз обнаруживаю сообщение от Дебле, который просит подготовить сводную таблицу с подробностями трудовых договоров всех сотрудников. Следующее сообщение – от Нотело, который предупреждает, что утром зайдет проверить, как продвигается работа над таблицей. Я их просто обожаю: какой замечательный способ давления. И что они собираются делать с этой таблицей? Понятно, что им нужно найти слабые места в каждом нашем договоре. И эти великие стратеги просят помощи у меня! Я наслаждаюсь юмором ситуации. О да, они могут на меня рассчитывать!

Среди рабочих писем я замечаю восемь личных сообщений. Все – от друзей Хьюго, с которыми мы встречались по выходным. Такое ощущение, что, не увидев меня в этот уик-энд, они вдруг забеспокоились. Открываю первое письмо: «Дорогая Мари...» Это от парня, который пары слов связать не может. Я готовлюсь к худшему, и продолжение меня не разочаровывает. «Меня очень огорчил ваш разрыв, бла-бла-бла, но иногда жизнь, бла-бла-бла...» Даже не буду читать до конца. Следующее письмо словно под копирку. Должно быть, они одновременно решили написать сочинение на тему: «Выразите соболезнования бывшей девушке вашего друга, об отсутствии которой не особенно сожалеете». Я так и представляю их сидящими за столом в окружении банок с пивом и кропающими свои бессмертные произведения. Хвалю за проявленное усердие, но аргументация явно хромает, и орфография ей под стать. В шестой класс их переведут только после работы над ошибками.

Прослеживаются две основные тенденции: из восьми сообщений пять написаны мужчинами, друзьями Хьюго. Для них это просто вежливое прощание, не требующее никакого ответа и общения. Меня это полностью устраивает. Еще три сообщения прислали их жены. Эти послания более теплые, длинные, менее формальные. Чувствуется, что девчонки действи-

тельно мне сочувствуют. И правильно делаете, дорогуши: не исключено, что вы станете следующими! Хорошенько следите за своими мужчинами!

Только небольшое сообщение от Флорианы искренне меня трогает и вызывает желание ответить. «Мари, что произошло? Надеюсь, ты держишься. Даже твой мобильный не отвечает. Прощу, позвони мне. Я думаю о тебе. Целую, Фло».

Я тут же набираю ее номер.

– Флориана? Это Мари. Тебе удобно говорить?

– Да, конечно, я только что отвела детей и очень рада тебя слышать... Что случилось?

– Хьюго меня бросил. Я узнала, что он мне изменяет. Попросила его прекратить, а он выгнал меня из квартиры и поселил там свою уродину.

Пауза, вздох, затем ее ответ:

– Теперь все понятно. Твоя версия кажется мне более правдоподобной, чем его...

– Почему? Что он рассказал?

– Мы до последнего думали, что у вас все хорошо. И вдруг в прошлую субботу он пришел с какой-то незнакомой девицей – кстати, довольно вульгарной. Совершенно спокойно он сообщил нам, что между вами все кончено, а потом объяснил, что ты стала болезненно ревнива, притом что сама не гнушаешься ходить налево. Мы-то тебя знаем, и девчонки были в шоке, но Хьюго держался так самоуверенно, что его друзья проглотили эту историю и перевели разговор на другую тему.

Я чувствую, как закипаю:

– Значит, вот что он всем рассказывает?

– Еще он говорит, что просил тебя предоставить ему такую же свободу, какую ты позволяешь себе. Предложил свободные отношения... Он был готов на это пойти, потому что любит тебя. Но ты отказалась. Поэтому он тебя отпустил...

Все, ядерный взрыв неизбежен.

– Мари, ты в порядке?

– Вот сволочь! Он выбросил меня на улицу как побирушку, да еще и отключил мой телефон, поскольку это он его оплачивал.

– Надо же, какое ничтожество!.. Я расскажу об этом Полю, но ты же их знаешь, они не будут ссориться друг с другом. Мы всего лишь их женщины... Я могу тебе чем-нибудь помочь? Кстати, где ты сейчас живешь?

У меня есть друг, учитель математики, можешь снять у него комнату, если хочешь.

– Спасибо тебе, но эту проблему я уже решила. Слушай, Флориана, я очень благодарна тебе за твою искренность и за твоё сообщение. Мы всегда с тобой хорошо ладили, но...

– Мари, мы подруги! Я не хочу тебя терять только потому, что Хьюго оказался таким уродом. Обещаю, что выскажу ему все при первой же возможности. И остальным глаза открою!

– Не надо, не создавай себе проблем из-за меня. Мне хорошо известно, на что он способен, когда кто-то напоминает ему об ответственности. Я немало заплатила за это знание, и, можешь поверить, веселого тут мало. Не хочу сеять раздор в вашей компании. Мне нравилось быть ее частью, хотя кое по кому я точно скучать не буду. Мы как-нибудь увидимся, если у тебя будет время, но только вдвоем.

– Мне так жаль, Мари, мы все к тебе привыкли...

– Надо же, не успела я уйти, а этот мерзавец уже притащил к вам свою девицу... Как это гадко! Ладно, мне пора заканчивать, Флориана, еще созвонимся.

Ненавижу давать обещания, которые вряд ли смогу сдержать. Мне будет не хватать некоторых людей, включая Фло, но я предпочитаю сжечь мосты вместе со всем, что мне напоминает Хьюго.

Наверное, у меня безумный вид. Я чувствую себя одновременно разъяренной и уничтоженной. Уверяю вас, это очень трудно переварить. Как один и тот же человек может с нежно-

стью относиться к вам в декабре и подло втыкать нож в спину в феврале? Вот так и появляются поговорки: «В декабре любит, в феврале бьет». Ведь только мужчины способны с такой скоростью и без всяких угрызений совести поменять свои взгляды. Почему они это делают? Внезапно ответ приходит сам собой. Он написан яркими буквами в потемках нашей женской доверчивости. Они делают это из корысти! Пока мы служим их интересам, они дарят нам цветы, словно ставят хорошие оценки, а когда начинаем досаждать, тут же получаем пинок под зад. Это ясно как день! Наконец-то их жизненная философия расшифрована! Чем больше я над этим думаю, тем больше убеждаюсь, что только что раскрыла один из секретов мироздания. И кстати, это правило из разряда строго конфиденциальных касается не только влюбленных парочек, но любых отношений между мужчинами и женщинами. Дебле тому наглядный пример: когда я могу быть ему полезна, я душечка и лапочка, но при первом же признаке бунта или роста сознательности он начинает мне угрожать! Не скоро же он получит свою таблицу...

Эмили вихрем пронесется мимо моего кабинета. Я подскакиваю со своего места и устремляюсь в погоню.

– Эмили, ты куда? Мне нужно срочно с тобой поговорить!

– Дебле меня вызывает! Потом я к тебе забегу! Целую!

Она даже не замедлила шаг. Я в растерянности останавливаюсь посреди коридора. Ко мне приближается Жордана, помощница менеджера по логистике.

– Я тут узнала, что с тобой случилось. Искренне сожалею.

О чем это она? К тому же я терпеть не могу ее сладкий сиплый голос, напоминающий шипение змеи. Она подходит ко мне еще ближе и шепчет на ухо:

– Помнишь наш разговор о любви в конце года?

– Смутно, – отвечаю я, отстраняясь.

– Ты тогда утверждала, что это чувство существует и оно прекрасно. Я же говорила, что это всего лишь иллюзия, приманка, при помощи которой мужчины нас покоряют. Я объясняла тебе, что нужно использовать мужчин точно так же, как они используют нас. Это борьба, в которой выигрывает тот, кто первым одержал верх.

– Не понимаю, к чему ты клонишь.

– После того, что с тобой случилось, ты, возможно, наконец прозреешь. Можешь утешать себя тем, что вы не были женаты, – не нужно тратить на адвоката при разводе.

– Кто тебе рассказал о моей личной жизни?

– Все тайное становится явным, Мари. Тебе есть над чем поразмыслить. Посмотри на свою подругу с ее вечными бесплодными поисками великой любви и на себя, от этой самой любви пострадавшую!..

Какой же у нее все-таки ядовитый язык. Разве я просила учить меня жизни? Но мужчин она использовать умеет, что правда, то правда. Охмурила половину нашего мужского коллектива. Умудрилась даже очаровать Дебле в период кадровых перестановок. Фу, гадость! У нас с Эмили есть теория на ее счет. Все дело в анатомических особенностях Жорданы: задница у нее свинцовая, а ноги надуты гелием. Потому сила притяжения то и дело опрокидывает ее на спину, и ноги сами задираются вверх.

Жордана смотрит на меня с ехидной улыбочкой, которая мне совсем не нравится. Пора научиться правильно реагировать на выпады таких людей, не тушуясь и не поддаваясь эмоциям. Я еще не готова, Жордана, но мы поговорим с тобой чуть позже, когда я поработаю над твоим личным делом...

– Она и раньше-то к нам нечасто приходила, а теперь, если она выложит ему все, что о нем думает, то рискует вообще туда больше не попасть.

– Жаль, она наверняка согласилась бы забрать твое письмо.

Эмили разглядывает меню. Сегодня мы обедаем в другом кафе, потому что нам нужно о многом поговорить, а после выходки Жорданы я опасаясь посторонних ушей.

– Как прошло твое свидание с парнем из театрального клуба?

– Он довольно милый, но я не представляю себя рядом с ним. У него все разговоры только о пьесах, ролях, которые бы ему подошли, о великих чувствах, достойных греческих трагедий... Но у него скорее получится сыграть их на сцене, чем испытать в реальной жизни. Хотя это тоже спорный вопрос, видела бы ты, как он играет...

Я чувствую, что кандидат в бойфренды из театрального клуба уже обречен. Пройдет немного времени, и Эмили опять отправится на поиски. Ей придется разрабатывать новые рудники, чтобы найти вожака золотую жилу, и ездить на сафари в надежде поймать крупного хищника. Скоро на всем Диком Западе не останется ни одной речушки, куда бы она не опускала свое сито в надежде выудить из грязной воды самородок, который изменит ее жизнь. Сколько еще тонн ила нам придется перерыть, чтобы найти свое счастье? Подходит официант. Эмили выбирает первой.

– Я буду салат с лососем.

– Мне то же самое и графин воды. Спасибо.

Официант уходит, и я спрашиваю Эмили:

– Почему ты не познакомишься со своим соседом из дома напротив? С тем, которого уже несколько месяцев держишь на прицеле?

– Не решаюсь. Как ты себе это представляешь? «Привет, я живу напротив, и, поскольку у меня убогая жизнь, я высматриваю парней в окно. И знаешь, ты победил в кастинге...» Но мне кажется, он добрый. Вчера я видела, как он гуляет с мальчишкой возле своего дома.

– Может, он педофил.

– Послушай, Мари, хватит уже все видеть в черном свете. Я знаю, что ты страдаешь, но это не значит, что нужно разрушать все вокруг себя.

– Прости. – Я понимаю: ее соседа лучше не трогать, поэтому меняю тему: – Чего хотел Дебле?

– Представляешь, он решил предостеречь меня на твой счет.

– Что?

– Он знает, что мы дружим, и, думаю, он пытается тебя изолировать.

– Что он тебе сказал?

– Что нужно опасаться мятежников... Что те, кто слишком близок к зачинщикам бунта, в конце концов попадут на костер вместе с ними. Нет сомнений, он затаил на тебя обиду и будет мстить.

– Я выполняю свою работу, ему не в чем меня упрекнуть. И потом, теперь я готова к сражению, пусть только сунется.

– Когда я пришла к нему в кабинет, мое внимание привлекла одна деталь. Может, это и пустяк, но он сидел, уткнувшись носом в какие-то бумаги, а как только я постучала, так быстро захлопнул папку, что это показалось мне подозрительным.

– Папка была синей?

– Точно. Так ты знаешь, что это?

– Нет, но я видела то же самое. Он был похож на заговорщика, застигнутого с поличным. Уверена, за этим что-то кроется. А если добавить к этому попытку заставить нас срочно подписать какие-то сомнительные дополнительные соглашения, а также его распоряжение подготовить сводную таблицу трудовых договоров, ручаюсь, тут дело нечисто.

– Может, сходим туда в обед или утром и посмотрим?

– Я об этом уже думала, но он закрывает свой кабинет на ключ.

Эмили поджимает губы, и это не сулит ничего хорошего. Она произносит:

– Нужно выяснить, что он замышляет. Разработаем план с девчонками, которым можно доверять.

Официант приносит наши салаты. Да, объесться тут нечем. Я бросаю взгляд на соседний столик. Двое мужчин хохочут как ненормальные, деля между собой огромное блюдо мяса по-бургундски. Почему они, а не мы?

17

Я не перестаю думать о письме бабушки Валентины. Возвращаясь вечером домой, я встретила в холле месье Альфредо. Я тщательно вытерла ноги. Почты для меня не было. Я быстро поднялась наверх, радуясь, что могу укрыться у себя дома. Хочется провести спокойный вечер. Мне это просто необходимо.

Для начала я долго принимаю душ. Пока теплая вода стекает по моему лицу и волосам, я невольно думаю о гадостях, которые Хьюго распространяет обо мне. Если в мире существует справедливость, он должен заплатить и за это тоже. Я не претендую на роль карающей десницы, но мне не терпится, чтобы она скорее настигла Хьюго и врезала ему наотмашь.

Позвонила мама. Она беспокоится за меня. А ведь я ей не все рассказала. Я боюсь, что моя история вызовет у нее болезненные воспоминания. Еще я говорила с моей сестрой Каролиной. Дети устраивают ей веселую жизнь. Со мной, однако, они всегда вежливы. Сыновьям Каролины четырнадцать и семнадцать лет, и, конечно, проще быть их тетей, чем матерью.

В этот вечер я решила, что пора разбирать коробки. Через несколько недель холода отступят, и я предпочитаю знать, где мои демисезонные вещи, чтобы как-нибудь утром не пришлось в полуголом виде судорожно рыться в коробках в поисках подходящего пальто.

Я достаю одежду, думая совсем о другом. Вещи валяются повсюду, ожидая, пока я отнесу их в гардеробную. У меня никогда раньше не было гардеробной. Это суперпрактично. Вся одежда у тебя перед глазами, можно выбирать, не разваливая стопки и не открывая ящики. Иногда поиск вещей в квартире напоминает детскую игру для развития памяти. Где лежит блузка, подходящая к этим брюкам? Даю еще одну попытку.

В очередной коробке я натыкаюсь на серые джинсы, которые не носила уже лет сто. Мне этот цвет нравился, а Хьюго нет, и, как обычно, я его послушалась. Я ничуть не расстроена, что с этим навязчивым контролем покончено. Теперь я могу носить все, что мне нравится! Да здравствует свобода! Мне не терпится примерить джинсы, чтобы убедиться, что я в них еще влезаю. Когда я их разворачиваю, что-то вываливается из кармана и падает на пол. Я смотрю вниз, но ничего не вижу. Заинтригованная, я встаю на четвереньки и заглядываю под мебель. Между ножками кресла что-то блестит. Монетка? Но когда я отодвигаю кресло, то вижу, что это ключ. Чтоб ты застряла на самом верху колеса обозрения, когда хочешь в туалет! Это же ключ от квартиры Хьюго! Тот самый, который я считала давно потерянным. Ему пришлось сделать мне новый, и он попрекал меня этим несколько недель. Все время повторял, что, если нас ограбят, виновата буду я. Чего я только от него не услышала! В очередной раз ему удалось заставить меня чувствовать себя виноватой.

Я расплываюсь в блаженной улыбке. Наверное, я выгляжу как полная идиотка, но мне плевать. Я хватаю ключ и смотрю, как он сияет в свете ламп, словно сокровище. Мне больше не нужна Флориана, чтобы вернуть бабушкино письмо. И мне не придется унижаться и просить об этом подлого Хьюго. Я пойду и возьму его сама.

На этот раз я не чувствую себя воровкой – я ею являюсь. Даже если я хочу забрать то, что мне принадлежит, я собираюсь незаконно проникнуть в квартиру человека, с которым меня больше ничего не связывает. Чтобы оценить степень уголовной ответственности в случае провала операции, я прошерстила интернет. Там можно найти что угодно, но я так и не получила четкого ответа. На разных сайтах я узнала, что рискую заработать либо штраф первой категории, либо условный срок, а в некоторых странах даже восемьсот лет тюрьмы или побивание камнями в публичном месте... Свободный доступ к информации – это, конечно, хорошо. Вопрос – как отделить зерна от плевел?..

Сегодня мне не страшно. Я полна решимости добыть драгоценное письмо. Мне так не терпится прижать его к сердцу, что я жду не дождусь, когда можно будет приступить к делу. Я сгораю от тревоги при мысли, что послания бабушки Валентины уже нет на том месте, куда я его сунула. Но есть только один способ это проверить.

Я все предусмотрела, провал невозможен. Хьюго на работе – я специально прошла через вокзальную площадь мимо его агентства и убедилась, что он там. Я заметила его силуэт за стеклом, между фотографиями квартир, выставленных на продажу. Этот гнусный тип сидел за своим столом и разговаривал по телефону: наверное, впаривал очередному клиенту невесту, что, лишь бы скорее получить комиссионные. Судя по тому, что сегодня он в костюме, у него запланированы важные встречи. Это мне на руку: можно быть уверенной, что не столкнусь с ним нос к носу. Остается его девица. Здесь я поступлю просто: прежде чем войти, постучу в дверь. Если за дверью раздастся шум, зайду позже.

Я выбрала одежду, которую никогда не ношу, чтобы меня сложно было опознать даже с уличных видеокамер. Волосы спрятаны под бейсболкой. Я надела удобные вещи на случай, если придется бежать, ползти, карабкаться или копать. Говорю же, я все продумала.

Подойдя к двери, тихонько стучу. Ответа нет. Стучу сильнее, готовая смыться в любую минуту. Та же тишина. Я натягиваю перчатки. Настоящая профессионалка. Не хочу оставлять отпечатки пальцев. Проблема в том, что мне удалось найти только лыжные перчатки. Я с трудом вытаскиваю ключ из кармана – в этих огромных перчатках я ничего не чувствую. Дважды хватаюсь за тюбик губной помады... Чуть не выронив ключ, сую его в замочную скважину с ловкостью опытного взломщика. Вздрагиваю, представляя, что было бы, если бы я смогла найти только боксерские перчатки. Но все будет хорошо. Я в этом уверена. Дело займет всего несколько секунд. Я войду, заберу письмо и бесследно исчезну.

Я проникаю в квартиру Хьюго. К подобным моментам можно готовиться сколько угодно, десятки раз прокручивать в голове операцию, и все равно что-нибудь застигнет вас врасплох.

В квартире царит неопиcуемый хаос. Я даже предположила, что не первая решила ее ограбить. Повсюду валяются коробки из-под пиццы, в раковине горы грязной посуды, в коридоре пол усеян одеждой. Хьюго даже не выбросил две лишние коробки, которые я принесла для переезда. Напряженно прислушиваясь, я решаюсь сделать шаг и спрашиваю:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

В ответ тишина. Я осторожно закрываю входную дверь. В квартире холодно. Отлично. Надеюсь, что Хьюго и его шлюшка подцепят грипп, гоняясь друг за другом голышом. Прохожу через гостиную, направляюсь напрямик к книжному шкафу. Мне приходится то и дело поднимать ноги, чтобы не наступить на то, что валяется на полу. Настоящее минное поле. Носком ботинка отправляю пульт от телевизора под сервант. Пусть поищут. Знаю, это мелочно, но меня довели. На столе стоят свечи. Учитывая их количество, готова поспорить: дело тут вовсе не в романтике: электричество отключили. Просто замечательно. В таком случае, бегая голышом, они разобьют в темноте свои мерзкие физиономии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.